

Михаил
Гершензон

Мария
Гершензон

П Е Р Е П И С К А
1895–1924

Издание подготовил А. Л. Соболев

Москва
«Трутень»
2018

В издательстве «Трутень» готовится к печати
многотомное издание

ПИСЬМА ГЕРШЕНЗОНА К РОДНЫМ

Впервые публикуется полный корпус писем Михаила Осиповича Гершензона к матери, отцу и брату, охватывающий более чем четыре десятилетия и состоящий из нескольких тысяч посланий. Выверенные по рукописям тексты снабжены подробнейшим историко-литературным комментарием. Издание сопровождается справочным аппаратом.

УДК 130.2; 82-6
ББК 83.3

Г42 Гершензон М. О., Гершензон М. Б. Переписка, 1895–1924 / Издание подготовил А. Л. Соболев. — М.: «Трутень», 2018. — 816 с.: ил.

ISBN 978-5-904007-17-1

Переписка видного историка Михаила Осиповича Гершензона и его жены, Марии Борисовны Гершензон (урожденной Гольденвейзер), представляет собой не только выдающийся документальный источник по истории русской культуры начала XX века, но и литературный памятник. Удивительный по изяществу слога и глубине чувств эпистолярный диалог, продлившийся почти тридцать лет, увлекает читателя в центр литературной и философской жизни эпохи. Среди главных фигур — А. Белый, А. Блок, Вяч. Иванов, М. Кузмин, А. Ремизов, Ф. Сологуб, В. Ходасевич, Л. Шестов и многие другие. Все письма публикуются без купюр и снабжены исчерпывающим историко-литературным комментарием. Издание предназначено всем, кто интересуется русской культурой начала XX века.

© А. Л. Соболев, 2018

ПРЕДИСЛОВИЕ

Приступая к печатанию документов такой степени интимности, мы поневоле должны задаться вопросом об этической стороне подобной работы. Впрочем, этот случай — особенный, поскольку у нас есть недвусмысленная санкция, непосредственно исходящая от соавтора эпистолярного комплекса. В письме 1915 года Гершензон, оставшийся на лето в Москве и угнетенный одновременно жарой, дурными новостями с фронта, случившейся с братом бедой и тоскою по родным, сбивается со своего обычного педантического тона и вдруг оговаривается: «Я замечаю, что мое письмо — как крошка. Это оттого, что не делаю красных строк. Ежели кто-нибудь вздумает через 50 лет печатать это письмо, то завещаю ему сделать красные строки где надо»¹. Он ошибся лишь в сроке, когда переписка эта выйдет к читателю — но был основательно прозорлив в том, что это время наступит.

Здесь дело не только в естественном сочувствии к будущему коллеге, той профессиональной археографической учтивости историка, следы которой видны во многих филологических архивах: для него, как и для его собеседницы, было очевидно, что значение их письменного диалога выходит далеко за пределы их персональных биографий. За те без малого тридцать лет, что продлилась их переписка, на страницах ее запечатлелись сотни имен — от крупнейших писателей эпохи до безызвестнейших лиц, по счастливой случайности прихваченных в бессмертие этим исполинским по объему и полноте источником. В этой эсхатологической бережливости свидетелей нам мудроно будет разделить расчет и инстинкт — ибо подчеркнутая тщательность

¹ Здесь и далее письма, входящие в настоящий корпус, цитируются без сносок.

семьи Гершензонов во взаимной переписке стала культивироваться задолго до того, как главный (для нас) ее представитель осознал себя ученым-гуманитарием².

Свидетельство тому — не только гомерических размеров гершензонский эпистолярый, сохранившийся почти идеально, но и несколько ключевых эпизодов, демонстрирующих то особенное значение, которое придавалось в семье сбережению бумаг. Еще в 1911 году, накануне долгожданного визита брата Гершензона в Москву, Мария Борисовна просила его: «Бума, у меня к тебе просьба. Только боюсь, что она будет для вас затруднительна. Мне хочется иметь собранным вместе все, что когда-нибудь написал Миша. В письмах к тебе есть масса стихов. Нельзя ли отобрать письма со стихами. Очень я была бы благодарна, если бы ты мне привез эти письма»³. По всей вероятности, просьба эта не была исполнена — потому что два года спустя, когда М. Б. осталась с детьми в Одессе у семьи мужа, она сделала еще одну попытку: «Сегодня Саша⁴ привез мне из города пачку писем (твоих старых), в которых есть стихи. Отбирала бабушка. Я взяла оттуда четыре письма. Читать необыкновенно интересно, но, к сожалению, отобрано ужасно, не целиком письма, а только листки, на которых есть стихотворения, причем сплошь и рядом не твои, а чужие. Обидно ужасно прерывать интересное письмо. А письма интересны, как по биографическим фактам, так и по внутреннему росту. Надо непременно забрать у них все твои письма и привести в порядок. Это полная твоя биография»⁵. И позже: «Вчера вечером опять читала твои ранние письма. Ты в них тот же, только более юный и есть какое-то легкомыслие иногда (я сказала бы даже не природное, а напускное, головного свойства). Очень для меня интересно. И мальчиком был умный»⁶.

В практическом смысле это означало, что уже с начала 1890-х годов письма Гершензона (и наиболее чутких и близких его корреспондентов) прямо нацелены на консервацию и заранее готовы к тому, чтобы

² Ср. по этому поводу его принципиальную оговорку в письме к брату: «В то время, когда ты спасаешь от смерти живых, я спасаю от забвения мертвых — ибо в этом суть истории» (письмо от 5 октября 1892 г. // РГБ. Ф. 746. Карт. 18. Ед. хр. 1. Л. 20 об.).

³ Письмо от 6 декабря 1911 г. // РГБ. Ф. 746. Карт. 20. Ед. хр. 15. Л. 24 об.

⁴ Александр Абрамович Гершензон (1897–1917), племянник М. О.

⁵ Письмо от 18 июня 1913 г. (№ 329 по нашей нумерации).

⁶ Письмо от 22 июня 1913 г. (№ 337).

сделаться историческим документом. Сам он неоднократно подчеркивал (отнюдь при этом не впадая в гордыню будущей, а то и сущей знаменитости) хронографическую подробность своих посланий: «Ты обо мне знаешь каждый мой шаг»⁷; «Вообще мои письма — правдивейший протокол и о фактах, и о моих настроениях»⁸ etc. Это непосредственным образом корреспондирует с историософскими принципами Гершензона, полагавшего человеческую личность центром и движущей силой любого исторического процесса. В 1925 году, мягко объясняя В. М. Жирмунскому, что ему показались скучными его книги, но отнюдь не он сам, Гершензон проговаривается апофегмой — «но человек больше каждого из его дел, человек — источник многих и разнообразных дел»⁹, — и эта не прозвучавшая до поры декларация много говорит о направлении взгляда Гершензона-историка и о манере Гершензона-корреспондента.

* * *

Вполне вероятно, что первая встреча будущих супругов прошла незамеченной: оба они родились в Кишиневе (М. О. в 1869 году, М. Б. в 1873-м) и провели там первые годы жизни. Впрочем, семьи их принадлежали к разным кругам — и по уровню достатка, и по социальному положению. Отец Гершензона (о котором нам случалось писать подробно¹⁰) представлял собой классический тип энергичного еврейского неудачника со страстью к сулящим быстрое обогащение безнадежным проектам. Выпускник казенного Винницкого еврейского училища, купец второй гильдии, он успел поработать частным поверенным, поруководить магазином и поучаствовать в коммерческой навигации по Днестру; единственной материальной константой финансового положения семьи Гершензонов был собственный домик в Кишиневе, очевидно, восходивший к приданому матери и оттого неразменный.

Родители Марии Борисовны Гольденвейзер, напротив, происходили из привилегированного класса: отец был юристом, выпускником

⁷ Письмо от 28 июня 1912 г. (№ 250).

⁸ Письмо от 11 июня 1914 г. (№ 373).

⁹ Письмо к В. М. Жирмунскому от 15 февраля 1925 г. (за четыре дня до смерти) // РГАЛИ. Ф. 130. Оп. 2. Ед. хр. 16. Л. 1.

¹⁰ Соболев А. Л. Летейская библиотека. Т. 2. М., 2013. С. 7–42.

Московского университета, полиглотом, свободно читавшим на всех европейских языках и страстным театралом; мать была родом из семьи орловских дворян; ради женитьбы отцу пришлось принять православию¹¹. Оставив нескладывающуюся карьеру судейского чиновника в Орловской губернии, он вышел в отставку и переехал в Кишинев, где вскоре приобрел богатую адвокатскую практику и сопутствующее ей благополучие: семья арендовала особняк напротив здания окружного суда. Эта близость дома и работы сыграла роковую роль в его биографии: в один из дней он, отлучившись ненадолго домой, пропустил судебное заседание, в котором должен был представлять клиента. Дело за неявкой истца завершилось победой противоположной стороны; потерпевшие доверители, в свою очередь, подали в суд на нерадивого адвоката, что больно ударило по его репутации. В 1883 году Гольденвейзеры переехали в Москву — и судьба, не добившись внятного знакомства наших героев, стала, не торопясь, готовить декорации для будущей встречи.

В Москве Гольденвейзеру не удалось возобновить успеха первых кишиневских лет: отказавшись от юридической практики, он поступает на службу в редакцию консервативной газеты «Московские ведомости», где ведет раздел иностранной политики. Несмотря на постоянную материальную нужду (усугублявшуюся страстью главы семейства к карточной игре), Гольденвейзерам удалось дать детям превосходное образование: старший сын Николай учился в великосветском Катковском лицее, а дочери Мария и Татьяна — в женской гимназии Фишер, единственном в России и мире учебном заведении для девочек с программой мужских классических гимназий.

Гершензон приезжает в Москву осенью 1889 года¹². К этому моменту за плечами у него окончание кишиневской гимназии и два года обучения на отделении строительного искусства в Берлинской Королевской высшей технической школе. Убедившись в ошибочности выбора и вдохновленный циркулирующими слухами о послаблении препон для поступления евреев в университет, он пишет прошение на имя министра народного просвещения. По сочетанию счастливых случайностей ходатайству дают ход — и с октября 1889 года Гершензон делается полноправным студентом историко-филологического

¹¹ См.: *Гольденвейзер. Воспоминания*. С. 35–36 и далее (список условных сокращений см. на с. 59–60 наст. изд.).

¹² См.: *Макагонова*. С. 7–8.

факультета. В его взволнованных письмах к родным, где описываются первые шаги на новом поприще, регулярно упоминается один из бывших кишиневских знакомых, Александр Иванович Леви (в частности, он послал Гершензону торжественную телеграмму «Поздравляю, принят настоящим студентом любой факультет, выезжай немедленно»¹³, не пожалев пяти копеек, чтобы слово «студентом» было подчеркнуто). Это — первая, еще пунктирная линия, протянувшаяся, чтобы связать Гершензона с домом его будущей жены, ибо Александр Иванович, будущий инженер, корреспондент Брюсова, член Литературно-художественного кружка¹⁴ etc. — сын кишиневского доктора, пользовавшего всех Гольденвейзеров и не потерявший близости к семье после обоюдного переезда в Москву. Леви опекал Гершензона в первых его шагах в Москве, поселив на первые дни у себя, помогая снять комнату, записаться на лекции и получить вид на жительство.

Вскоре же протянулась и вторая нить. Еще в первых письмах брату после обустройства Гершензон упоминает о возобновлении знакомств («Виделся я здесь со многими кишиневцами»¹⁵), называя, между прочим, Гольденвейзера¹⁶. Вероятно, отсутствие пояснений при фамилии Николая Борисовича подразумевало, что имя это адресату небезызвестно. Впрочем, пока он упоминается по преимуществу с нейтральными, а то и недовольными интонациями: так, сообщив о выборе им темы для курсового сочинения, Гершензон присовокупляет: «По-моему, глупо браться за такой труд на 1-м сем<естре>, когда не имеешь еще понятия о методах исторического исследования»¹⁷. Позже дело дойдет до почти прямого соперничества: «<...> поздно приехал — прозевал управление факультетской библиотекой: оно было обещано мне, но меня не дождалась и в самый этот понедельник ключи отдали Гольденвейзеру»¹⁸.

¹³ Письма к брату. С. 7.

¹⁴ Об Александре Ивановиче Леви (1871–1922) см.: Брюсов В. Письма неофициального корреспондента. Письма к жене (август 1914 — май 1915). Общая редакция, составление, подготовка текста, предисловие и комментарии М. В. Орловой. М., 2015. С. 221. Письма его к Брюсову см.: РГБ. Ф. 386. Карт. 91. Ед. хр. 57. Не путать с Александром Зигфридовичем Леви, родственником и приятелем Бенуа!

¹⁵ Письма к брату. С. 8.

¹⁶ О Николае Борисовиче Гольденвейзере (1871–1924) см.: Гольденвейзер. Воспоминания. С. 164–170; Гершензон-Чегодаева. С. 64.

¹⁷ Письма к брату. С. 10.

¹⁸ Письмо к родным от 21 сентября 1891 г. // РГБ. Ф. 746. Карт. 17. Ед. хр. 28. Л. 40.

Юношеские письма Гершензона к родным во многом выглядят как расширенное и комментированное издание зачетной книжки: так много внимания уделено в них мельчайшим подробностям учебного процесса. Не избыв и после двух университетских лет удовольствия от занятий любимым предметом, он почти не отвлекался на те развлечения, что исстари составляли неприменную принадлежность студенческого быта. Редкий пример сожаления по этому поводу — в письме к брату от 18 октября 1891 года: «Занятия делают меня вполне счастливым, я забываю все, кроме предмета, которым заняты мои мысли, и, кажется, ни в чем не чувствую недостатка. Но это не так: у себя в поздние вечера, на улице, в театре — меня мучает чувство, которого ты не знаешь: одиночество. Характер ли мой в том виноват, или домоседство, или состав нашего курса, где из 20 с лишком человек едва найдется два-три работающих, не говорю уже о развитии или цели работы, — но ни с одним из своих товарищей я не сошелся настолько, чтобы мы могли называться друзьями, чтобы бывали друг у друга. С лучшими я встречаюсь в Университете, поговорим об университетских новостях, а все-таки каждый остается сам по себе. Зайдет и ко мне — по делу или без дела — кто-нибудь из товарищей, но близости между нами нет. А знакомых домов — ты знаешь — у меня нет; и выходит, что вечером, когда хотел бы развлечься после 10-ти часовых занятий, или просто когда найдет грустный стих и хотелось бы побыть между людьми, поболтать и посмеяться — идти некуда, говорить можно только с собою, а смеяться — над книжною шуткой»¹⁹. На фоне этой выяснившейся к зиме 1891/1892 года тоски по собеседнику происходит сближение Гершензона с Николаем Гольденвейзером.

В письмах этого времени его имя появляется чаще любого другого из московских знакомых. «Из Унив<ерситета> вернулся в 6 час., потом пришел Гольденвейзер и оставался до сих пор»²⁰; «Ко мне иногда заходят товарищи, чаще всего Гольденвейзер»²¹; «Гольденвейзеру я оставлю доверенность, по которой ему будут выдавать мою стипендию <...>»²² и мн. др. Болезненно стеснительный, замкнутый

¹⁹ РГБ. Ф. 746. Карт. 17. Ед. хр. 29. Л. 6 об.–7.

²⁰ Письмо от 29 октября 1891 г. // Там же. Л. 10. Мария Борисовна, готовя это письмо к публикации в 1927 году (см.: *Письма к брату*. С. 51), сделала своей рукой примечание про своего уже покойного брата: «Товарищ-студент, однокурсник М. О.»).

²¹ Письмо от 13 февраля 1892 г. // РГБ. Ф. 746. Карт. 17. Ед. хр. 30. Л. 8.

²² Письмо от 20 марта 1892 г. // Там же. Л. 26–26 об.

и нелюдимый, М. О. еще долго мог бы оставаться с ним на грани формальной дружбы (однокурсники, погодки и ближайшие друзья, они перешли на «ты» только в 1893 году), если бы не стечение обстоятельств.

В последних числах марта 1892 года Гершензон выехал из Москвы к родителям в Кишинев, чтобы помочь им перебраться в Бендеры (и заодно прокатиться на отцовском пароходе) — но несколько недель спустя его догнало паническое известие из университета: «Представь же себе, что я должен сегодня вечером ехать в Москву, потому что, как пишет Гольденвейзер, Герье рассердился за мой своевольный отъезд и сказал, что не зачтет мне семестра. Вероятно, он этого не сделал бы, но я до того измучен беспокойством (письмо от Гольд. прибыло еще во вторник, но я должен был перевезти вещи и распаковать), что не хочу ждать возможного, а хочу иметь уверенность»²³. В чрезвычайной спешке, оплакивая пробитую в финансах брешь (дорога третьим классом обошлась в 60 рублей), он выехал в Москву и обнаружил, что тревога была ложной: как выяснилось из разговора с Герье, тот ничего подобного не имел в виду и весьма сожалел о наделанном переполохе. Впрочем, за этой сумятицей различалась уже железная логика судьбы: в первой же посланной из Москвы открытке значилось: «Вчера познакомился с семейством Гольденвейзера и был очень радушно принят. У него одна сестра — прехорошенькая. Но увы — я был неумыт и в дорожном костюме; я не мог отказаться от приглашения к чаю, но от души посылал и себя, и Мне Гольд. ко всем чертям. За столом я сидел как на угольях и употребил ближайшую возможность, чтобы бежать»²⁴. Можем ли мы вести отсчет их знакомства от этого дня? Только с осторожностью: дело в том, что у Гольденвейзеров было две дочери — Мария и Татьяна. Значит ли формулировка Гершензона, что одна из них не показалась ему прехорошенькой? Или что другой просто не было дома? Об этом мы, вероятно, не узнаем — но очевидно, что с этой встречи жизнь его переменялась, поскольку семейство, в котором он мог бы утолить свою тоску по домашнему уюту, нашлось.

Несмотря на все радикальное несходство домашнего быта Гершензонов и Гольденвейзеров, в распределении их внутрисемейных ролей существовал удивительный параллелизм. В обоих домах главы семейства обладали холерическим темпераментом, порывистым

²³ Письмо брату от 3 мая 1892 г. // РГБ. Ф. 746. Карт. 18. Ед. хр. 1. Л. 1.

²⁴ Письмо от 7 мая 1892 г. // Там же. Л. 2.

нравом, склонностью к необдуманным поступкам и даже некоторой легкомысленностью. Сопоставимо схожи были и характеры обеих матерей: обстоятельные, рассудительные, готовые и к домашнему тиранству, и к мученическому венцу, с тяжелым нравом и болезненными приступами ревности. Младший сын Варвары Петровны, впоследствии прославленный советский пианист, вспоминал: «Мать считала, что наша взаимная любовь и любовь к ней не должны оставлять места для чувства к другим людям. Всякое сближение с кем-нибудь на стороне казалось ей изменой. Возможность для сестер, а тем более для сыновей полюбить кого-либо считалась чуть ли не проявлением развращенности. Мать относилась к малейшей возможности появления такого рода чувства так ревниво и болезненно, что всем нам, уже вполне или почти вполне взрослым, приходилось приносить личную жизнь в жертву гипертрофированному семейному началу»²⁵.

Исключительно сходный психологический портрет Гитли Яковлевны Гершензон рисуют сохранившиеся документы — с легкой поправкой на расстояние, уменьшающее тотальность ее контроля. Еще в кишиневские годы Гершензон водил знакомство со снимавшей комнату в их доме соседкой — Фредерикой Дувинской, с непривычным гусарством описывая в письмах брату обстоятельства их встреч: «Жиличка наша, г-жа Дувинская, очаровательная, и я близок к тому, чтобы влюбиться; мы с ней в большой дружбе, и я к ней захожу запросто, конечно, когда мужа нет»²⁶. Отношения эти продлятся несколько месяцев (а полностью не кончатся никогда — ибо Дувинская переедет в Москву и будет появляться на дальних орбитах гершензонского быта до 20-х годов²⁷) и ознаменуются жестоким кризисом из-за эскапад матери: «<...> единственным развлечением служат мне глаза и разговор г-жи Дувинской, за что, впрочем, выслушиваю немало нотаций от мамы. Она просто ревнует меня к Д., потому что у ней нет никаких причин быть недовольной мною; зимою она, т. е. мам<аша>, боялась мужа, а теперь об этом не может быть и речи, т. к. он никогда не застаёт меня с нею. Это мне очень тяжело, а еще тяжелее мне сдерживаться в своих ответах. Дув. переезжает на новую квартиру завтра или в среду»²⁸.

²⁵ Гольденвейзер. Воспоминания. С. 150.

²⁶ Письмо к брату от 26 августа 1891 г. // РГБ. Ф. 746. Карт. 17. Ед. хр. 28. Л. 31 об.

²⁷ См., в частности, с. 53 наст. изд.

²⁸ Письмо от 13 апреля 1892 г. // РГБ. Ф. 746. Карт. 17. Ед. хр. 30. Л. 39.

Этот обоюдный психологический контроль семейств определяет тот фон, на котором будут развиваться взаимоотношения Гершензона с сестрами Гольденвейзер (ибо до некоторого момента он, кажется, будет колебаться, которой из них отдать предпочтение); другое его следствие — фактографическое, ибо внимательная готовность матери Гершензона к тревогам по девичьей части заставляет его очень тщательно дозировать информацию в письмах. Впрочем, вскоре в этой области назреет и новое обстоятельство. Пока же письма весны, лета и осени 1893 года полны упоминаний о Гольденвейзерах. «В театре был только один раз — в Малом, вместе с Гольденвейзером и его сестрами; видел «Плоды просвещения» в удивительном исполнении. <...> [В] тот же день вечером я был у них; там был двойной праздник — медаль сына, а старшая дочь — Татьяна — была именинницей. Она чудесно поет, зато младшая замечательно хороша собою»²⁹. Они вчетвером ходят на концерт в «докторский клуб»; он преподносит им две бутылки вина из тех, что прислали из дома; лето он проводит на даче в Кунцеве недалеко от них (не обходится, впрочем, и без критических замечаний: «у Гольденвейзеров, которые живут в нескольких шагах от меня, все натянуто и чинно — и скучно»³⁰), а осенью снимает комнату в доме на Знаменке у их знакомой, матери бывшей одноклассницы Марии, Розалии Михайловны Гиршберг. Тут в нашу историю врываются новые действующие лица.

В сентябрьском письме брату Гершензон описывает свою квартирную хозяйку: «Это — мать, еврейка, акушерка (не практикует), довольно несимпатичная, но страдавшая женщина; дочь, симпатичная, добрая, даровитая, некрасивая девушка 18 лет, окончившая классич<ескую> гимназию с золотой медалью, знающая древние языки не хуже меня, в настоящее время — ученица консерватории по игре на рояли; сын — неприятный мальчик 12 лет, ученик гимназии. Мамаша, кажется, имеет на меня виды, и поэтому очень ухаживает за мною; но я — юноша себе на уме, и поэтому могу ждать, что, когда она меня раскусит, не только ухаживанию, но и самой элементарной деликатности будет конец и я должен буду съехать. Как-нибудь, при свидании, расскажу тебе поучительную для нашего брата историю о том, как Коля Гольденвейзер был влюблен в эту девушку и что из

²⁹ Письмо от 21 января 1893 г. // РГБ. Ф. 746. Карт. 18. Ед. хр. 2. Л. 6.

³⁰ Письмо от 9 июля 1893 г. // РГБ. Ф. 746. Карт. 18. Ед. хр. 3. Л. 25.

этого вышло. Прибавлю, что я ее знаю с год — встречал у Гольд. Мамаше скажи, что она может быть за меня совершенно спокойна — по крайней мере, с этой стороны. Но и со всех других сторон, несмотря на то, что летом был исключительно в женском обществе, я пока цел. Зато я сделал много и, говорят, тонких — наблюдений за женщинами»³¹.

Самонадеянный знаток женского сердца был бы, вероятно, в высшей степени изумлен, если бы узнал, что его хозяйка и собеседница превосходно известна в департаменте полиции — причем в том отделе, который занимается исключительно политическими преступлениями³². Она входила в ближайший круг Германа Лопатина, в ее квартире жил член «Общества друзей» С. А. Щепотьев, сама она неоднократно арестовывалась, обыскивалась, привлекалась к дознанию и состояла под гласным и негласным надзором. Впрочем, ее революционная молодость никакого явного влияния на нашу историю не окажет — в отличие от ее дочери.

Эля (Эрнестина Давидовна) Гиршберг была, судя по всему, личностью весьма незаурядной. А. Б. Гольденвейзер вспоминал о ней: «Эля Гиршберг была моложе сестры на два года (моя ровесница). Но хотя она в классе была моложе всех, она всегда лучше всех училась и кончила гимназию с золотой медалью. Эля была собой некрасива, но ее открытый живой характер, сердечность и светлый ум делали ее очень привлекательной. <...>

Я одно очень короткое время питал к Эле нежное чувство, но это было совершенно мимолетно. Друзьями мы остались навсегда и были с нею даже на „ты“, что тогда между неродными молодыми людьми разных полов встречалось весьма редко.

У брата Коли завязался с Элей довольно серьезный роман. Они объяснились и почти считали себя женихом и невестой. Однако мать Эли — типичная еврейская мамаша — сватала ее двоюродному брату, доктору, долго и безнадежно в нее влюбленному и имевшему средства, что для мамашы (вдовы с двумя детьми без всяких средств) было чрезвычайно заманчиво. Эля его не любила (он был крайне несимпатичен)

³¹ Письмо от 3 сентября 1893 г. // РГБ. Ф. 746. Карт. 18. Ед. хр. 14. Л. 2–2 об. О ней см. также с. 91–92 наст. изд.

³² В полицейских архивах осталось три дела, посвященных Р. М. Гиршберг, и нет основания считать, что не было других (эти бумаги сохранились небезупречно): ГАРФ. Ф. 63. Оп. 26. Ед. хр. 1455; ГАРФ. Ф. 63. Оп. 42. Ед. хр. 3; ГАРФ. Ф. 102. Оп. 88. 3-е делопроизводство. Ед. хр. 733.

и выйти за него категорически отказывалась. Мать, считая этот отказ результатом влияния брата, его возненавидела. Когда же брат убедился в том, что его чувство к Эле было больше плодом поэтической фантазии, чем подлинным чувством, и постепенно от Эли отдалился, ненависть Розалии Михайловны (как звали мамашу) приняла гомерические размеры. Эля же, действительно, любила брата и перенесла разрыв тяжело»³³.

На ближайшие месяцы Гершензон, несмотря на всю свою насто-роженность, явно подпадет под власть ее обаяния: ее имя регулярно будет появляться в его подробных реляциях. Впрочем, так же часто упоминаются в них и Гольденвейзеры: «В театрах не бываю; только в среду был на концерте в консерватории, благодаря тому, что младший Гольденвейзер там играл и достал для меня контрамарку. Зато музыки слушаю много — и отличную — у Гольденвейзеров, где бываю довольно, если не слишком, часто»³⁴. В начале января 1894 года брат Гершензона Абрам (Бума) приезжал к нему в Москву и, таким образом, познакомился с его ближайшими друзьями: он жил в его комнате (и, кажется, сумел как-то досадить Гиришбергам) и был представлен Гольденвейзерам, на которых произвел приятное впечатление. В одном из первых писем после возвращения брата в Одессу Гершензон сообщает: «У Гольденв. был всего один раз (!) в воскресенье. Шура был в концерте, Т. Б. пела под аккомп<анемент> матери, В. П. была очень любезна, Т. Б. умна, М. Б. хороша и бледна, как обыкновенно. Т. Б. сказала, что ты симпатичен и очень понравился ей — кланяйся и благодари»³⁵. Далее он описывает произошедшую между ним и квартирными хозяевами нелепую коммунальную историю с несвоевременно согретым самоваром, взаимными упреками и закономерным финалом: «Затем я совершенно прервал с ними всякие сношения; при встрече кланяюсь, и только»³⁶.

Восстанавливать белую идиллию явилась Мария Борисовна: «А с хозяйской половины доносится голос — чей бы ты подумал? М. Б., которая пришла сюда час назад. Ты помнишь, что Эрнестина Д. не бывала у Гольд. На прошлой неделе она в консерватории рассказала

³³ Гольденвейзер. Воспоминания. С. 106.

³⁴ Письмо к родным от 23 октября 1893 г. // РГБ. Ф. 746. Карт. 18. Ед. хр. 4. Л. 18.

³⁵ Письмо к родным от 22 января 1894 г. // РГБ. Ф. 746. Карт. 18. Ед. хр. 5. Л. 3 об.

³⁶ Там же. Л. 4.

Т. Б. всю историю со мною, причем изобразила меня — духовно или нравственно — гораздо чернее, чем я имею несчастье быть физически, и кстати сказала, что пора прекратить эту глупость (т. е. между ними) и что она придет к ним — что она действительно и исполнила. Для чего она это сделала, не знаю; но несомненно, что этот поступок имеет близкое отношение ко мне, но какое — этого я, как ни напрягаю свои умственные способности, не могу понять. Результат будет тот, что обо мне наговорят Гольденвейзерам больше гадостей, чем я способен сделать во всю свою жизнь, но так как моя совесть спокойна, то и мой дух спокоен. А что касается последствий этого результата, то я надеюсь на ум Варвары П. и дочерей, которые, надо полагать, поймут и причину, и цель этих сплетен; если же не поймут или мало меня знают, то, как это ни будет грустно, придется *sich darein finden*³⁷; во всяком случае, *soviel steht bombenfest*³⁸: ни одного слова не только оправданий, но и объяснений.

М. Б. пришла теперь с ответным визитом. Мне будет очень неприятно встречаться с Э. Д. у Гольденвейзеров, что, однако, неизбежно (напр., 10 марта — день рождения М. Б.)»³⁹.

Через две недели он переезжает на Смоленский бульвар в дом Кудике: существенно ближе к Гольденвейзерам (вероятно, это обстоятельство учитывалось при выборе дома) и, кстати сказать, приблизительно в тот район Москвы, где будет жить все последующие годы. Географические обстоятельства или расставание с Гиршбергами способствуют тому, что он начинает бывать у Гольденвейзеров по несколько раз в неделю; при этом позитивистский его склад, страсть к порядку и прогрессивные воззрения с трудом позволяют ему мириться с их полубогемным образом жизни. Насколько можно судить по обрывкам взаимных раздражений, в этих биографических декорациях разыгрывается какая-то бесконечная пьеса Чехова с резонером-студентом и потомками обедневшего дворянского рода.

«В воскр<есень> М. Б. спрашивала о тебе, и я передал один из твоих поклонов. Коля опять получил свой летний урок, но теперь в городе, получает 75 руб. за 2 часа ежедневно. Прибавь другой урок в 25 руб. и стипендию в 40 руб. — получишь 140 руб., да Шура зарабатывает

³⁷ С этим смириться (нем.).

³⁸ Вот что решено непоколебимо (нем.).

³⁹ Письмо от 6 февраля 1894 г. // Там же. Л. 10 об.—11.

80 руб. — всего, значит, 220 руб. в месяц — это кроме отцовского заработка. А ведь еле-еле сводят концы, едва прилично одеваются! Спросишь, куда уходит эта уйма денег — один ответ: бестолковщина страшная, потому что нет хозяйки, а сколько голов, столько и расходчиков. Жалко смотреть, потому что ведь эта вечная полунужда отравляет им жизнь, а виноваты сами»⁴⁰.

У Гольденвейзеров он вновь встречается Эрнестину Гиршберг, но вместо ожидавшейся неловкости ввязывается в соперничество нервов — и, кажется, даже находит в этом вкус: «Я отлично знал, что будут наблюдать — кое-кто из Гольденв. и их гостей — за ней и мною, а она — за мною и сестрами Гольденв. (п<отому> ч<то> она убеждена, что я равнодушен к одной из них). Но, крепко поработавши весь день, я был в отличном расположении духа и давал волю своему веселью, так что вообще был нисколько не похож на воздыхателя по ком бы то ни было. 10-го день рожд. М. Б., а 18-го — Мlle Гиршберг. Придется истратить рублей 5 — первой пошлю букет из ландышей, а второй — коробку конфет; без этого еще, чего Боже сохрани, примут за невежу»⁴¹.

В ближайшие дни эти галантные планы претерпели некоторые изменения: Мария Борисовна получила в подарок десять горшочков с гиацинтами (которые обошлись точно в ассигнованные 2 рубля и 50 копеек), а Эрнестина Давидовна вместо коробки конфет получила книгу А. Г. Рубинштейна о музыке — и не слишком ей обрадовалась («[м]не и на руку»⁴², — прибавил весьма довольный своей изобретательностью даритель).

Впрочем, не без основания полагая, что письма, адресованные брату, читает вся семья, Гершензон, кажется, слегка преувеличивал решительность расставания с Гиршберг: буквально в эти же дни он пишет (но отправляет ли?) стихотворение, в котором от души раскаивался в случившемся переезде:

Цепному псу во всем подобен —
Простужен, дик, угрюм и злобен —
Один, в мучительной тоске,
Забыт людьми, добыча скуки,

⁴⁰ Письмо к брату от 3 марта 1894 г. // Там же. Л. 17.

⁴¹ Там же. Л. 17–17 об.

⁴² Письмо к брату от 20 марта 1895 г. // Там же. Л. 21. об.

Я корни горькие науки
 Вкушаю в доме Кудике.
 Четыре дня, к столу прикован,
 Сижу, простудой арестован,
 В моей незапертой тюрьме,
 Клянусь судьбу и жду свободы,
 А день — как век, часы — как годы,
 И стынет мысль в моем уме.
 Печален жребий мой. Бывало,
 Когда Э. Д. Ганнон играла
 Иль Саша слух мой раздирал, —
 В припадке ярости бессильной
 Я слезы лил струей обильной
 И с диким воплем прочь бежал.
 Судьбой жестоко я наказан:
 Теперь я дни мои обязан
 Влачить в могильной тишине.
 Здесь жизнь тиха как сон глубокий;
 Лишь с колокольни звон далекий
 Порой доносится ко мне.
 В песках пустынь, в степи безводной,
 Хоть воеет волк иль барс голодный,
 Хоть лев над жертвою рычит:
 Здесь звуков нет; здесь власть молчанья,
 Как пред началом мироздания,
 Над бездной вечности царит.
 Увы! Томим уединеньем,
 Не раз я с тайным сожаленьем
 Квартиру Гиршберг вспоминал.
 Теперь за свист единый Саши,
 За звук Наннон, за голос Даши,
 Я б жизнь и молодость отдал⁴³.

⁴³ Записная книжка за 1894 г. // РГБ. Ф. 746. Карг. 13. Ед. хр. 7. Л. 3 об.-4 (дата: 8 марта 1894 г.). Саша — вероятно, брат Гиршберг. Возможно, он — Александр Давидович Гиршберг, в 1920-е годы работавший в системе Наркомата внешней торговли СССР (личное дело: Российский государственный архив экономики. Ф. 413. Оп. 8. Ед. хр. 900). Ганнон (или Наннон, правильно — Nanon) — сборник упражнений «Пианист-виртуоз», составленный французским музыкальным педагогом Ш.-Л. Аноном.

Более того, еще месяц спустя — в середине апреля — он переезжает обратно в квартиру Гиршбергов, и потухшие было матримониальные надежды отставной народоделки разгораются вновь. Все это (а может быть, и какие-то сведения, о которых мы не знаем) донельзя встревожило Гитлю Яковлевну — так что Гершензону пришлось оправдываться:

«Жаль, что, будучи в Кишиневе, я не пошел с Вами в синагогу и не поклялся, целуя Тору, что ни в кого не влюблен и ни в этом, ни в будущем году не собираюсь жениться ни на Мlle Гиршберг, ни на ком другом; тогда Вы, может быть, верили бы мне. Как же Вы не хотите понять, что если бы я питал к этой девушке какое-нибудь чувство и хотел его скрыть от Вас, то летом ничего бы не стал Вам рассказывать о них? И, кроме того, в сотый раз говорю Вам, что если я полюблю кого-нибудь и решусь сделать предложение, то раньше напишу или скажу Вам, хотя, может быть, и не послушаюсь — это зависит от того, какие резоны Вы будете приводить»⁴⁴.

Это письмо написано в октябре 1894 года — и в это время к документальным свидетельствам о внутреннем настроении Гершензона добавляется еще один источник: его собственный дневник. Характерно, что в его прекрасно сбереженном архиве насчитывается совсем немного дневниковых записей (и то, по преимуществу, несущих на себе следы жесткой цензуры ножницами): связано ли это с тем, что он обращался к жанру дневника лишь в минуты сильных душевных переживаний? Или, наоборот, оставил в читательском распоряжении лишь те записи, которые счел принципиальными для реконструкции своей внутренней биографии? В любом случае документы эти (за исключением нескольких случайных листков) падают на месяцы главных событий в его жизни. Один из подобных моментов — осень-зима 1894–1895 годов, когда он постепенно осознает свои чувства к младшей из сестер Гольденвейзер. Еще 18 октября он, зайдя к ним и обнаружив большой семейный сбор, довольно отстраненно рассуждает о женской красоте:

«Оттуда в 10 час. завернул к Гольденвейзерам и застал гостей: Клара Матвеевна Маркузе, ее сестра с мужем и проч. Эта самая Клара очень хороша собою, превосходно сложена и, главное, жизнь бьет

⁴⁴ Письмо к матери от 11 октября 1894 г. // РГБ. Ф. 746. Карт. 16. Ед. хр. 42. Л. 31 об.-32.

из нее ключом; краснощекая, бойкая, хохотунья и кокетка отчаянная, но очень неглупа. Приятно видеть такое физическое и душевное здоровье. Марья Борисовна была одета к лицу и очень хороша, Татьяна Бор. по обыкновению умна и грациозна. Танцевали все, кроме меня. Софья Вас. очень похудела и завтра идет в клинику, но чудные глаза мерцают удивительно. Я наслаждался, глядя на всех. Какая прелестная картина! Что может доставить более сильное впечатление красоты, чем молодая прелестная девушка? Я не знаю ничего лучше; это поистине перл создания. Если бы народное воображение не создало бы Дон-Жуана, его надо было бы сочинить. Я, в сущности, Дон-Жуан в душе и не становлюсь им в действительности, потому что не красив, потому что не нахожусь в подходящих условиях и отчасти, может быть, потому, что хочу знать и писать. Если бы я женился на самой красивой девушке, мое дон-жуанское сердце все-таки не было бы удовлетворено; но если бы мне удалось изобразить в прозе или стихах всю прелесть, всю женственность прекрасной девушки — в наружности, в речах, в неожиданных выходках, в движениях, — тогда я был бы доволен; еще лучше, если бы это было в драме или комедии, и я мог бы видеть воплощение моего образа. Ни у кого я не видел больше женственности в наружности, движениях и неожиданностях, как у Дувинской, в речах — как у Гиршберг. Однако пора спать — скоро два часа»⁴⁵.

Пару недель спустя он, сетуя свояченице на бесплодные хлопоты и внутреннюю пустоту, заканчивает письмо приличествующим тону печоринским пассажем: «А пока пойду с тоски к Гольденвейзерам послушать разговоров о музыке. К счастью, там, кроме этих разговоров, есть пара красивых глаз, один тонкий и изящный ум, отличная рояль и десять музыкальных пальцев. Ей-Богу — хоть бы влюбиться! Такая пустота!»⁴⁶ Еще через полтора месяца смутно ощущавшиеся чувства делаются для него очевидны:

«7 янв. 1895 г. Суббота, 11 час. веч.

Давно я не писал здесь. Теперь такая тоска, такое одиночество, а за спиной — звуки рояли. Последние дни, по вечерам, когда остаюсь один, — так становится грустно, что заплакал бы. Ничего не могу

⁴⁵ Литературный факт. 2016. № 1–2. С. 16–18. Комментируя этот фрагмент, мы не могли опознать упомянутую Софью Васильевну: восполняем это упущение. Речь идет о Софье Васильевне Мелик-Хаспабовой, приятельнице младших Гольденвейзеров. О ней см.: *Гольденвейзер. Воспоминания* (ук.).

⁴⁶ Письмо к Б. М. Гершензон от 6 ноября 1894 г. // *Письма к брату*. С. 75.

делать, просматриваю газеты бегло и с отвращением и думаю. О чем думаю? Черт знает, что это — говорят, будто влюбился, и теперь я сам начинаю думать, что это правда. Иначе — откуда эта грусть? Права Роз. Мих. — так жадно хочется женской ласки, любви, присутствия — ах, что врать — хочется, чтобы она, такая красивая и такая далекая, была здесь, хочется видеть ее лицо, смотреть в ее глаза, держать ее руку.

Я положительно начинаю думать, что люблю Марию Борисовну. Полчаса назад я вздрогнул, когда мой взор случайно встретил в газете слово „Мария“. „Имя нежное Марии...“ Тоска, одиночество, и это имя, и образ, который оно вызывает в уме. Ах, она действительно хороша! Но горда и равнодушна. Теперь, когда я один, она мне кажется ближе ко мне, чем у них, когда мы сидим за одним столом. У нее дивные глаза, и она все время смотрит на меня; я редко взглядываю на нее, и когда наши глаза встречаются, я тотчас отвожу взор и, кажется, иногда вздрагиваю при этом. Зачем она смотрит? Ведь она не любит меня. Или она хочет увидеть в моих глазах мою любовь — это ей приятно. Я нравлюсь ей, — я знаю, что мое присутствие доставляет ей большое удовольствие; поэтому ей приятно, что я люблю ее. Но в ней самой нет и следа любви ко мне. Я стараюсь быть как можно осторожнее, и действительно, кажется, ни разу сознательно не выдал своих чувств. Между тем Роз. Мих. говорит, что все — и сама М. — убеждены, что я влюблен в нее, а Татьяна Б. прямо сказала мне это в понедельник у Вейнбергов, «потому что, говорит она, все признаки налицо». Мне случалось несколько раз провожать ее домой от Гиршбергов, обыкновенно вечером, и я не позволил себе ни одно<го> слова, ни одного намека. Роз. Мих. говорит, что Коля раньше отрицал это, а теперь и он соглашается.

Ведь она мне нравится давно, меня давно влечет к ней, — почему же именно теперь я задаюсь вопросом, люблю ли ее? На этой неделе я провел у них 3 вечера, в четвертый мы вместе были у Вейнбергов — пятница, суббота (под Новый год), воскресенье, понедельник, вторник, — даже целых 5. Во вторн<ик> я не пришел бы, но это был день рождения Алекс. П. и она сказала, что крепко обидится, если я не приду. Пять вечеров подряд, не это ли убило меня? В понед<ельник> (у Вейнбергов) она была в черном платье — оно удивительно шло к ней. И сидя через стол, она все время смотрела мне в глаза. Наверное, это заметили и другие. В этот вечер я был точно пьян. И это заметили, особенно Татьяна Бор. Какая милая девушка! Мне кажется,

что она любит меня, как сестра — она не раз говорила мне это, и я ее так же люблю.

Боюсь, что эти 5 вечеров будут мне стоить много. Или все это — потому, что намеки на мою влюбленность открыли мне глаза? Вчера Роз. Мих. два часа говорила на эту тему. Мне было очень скверно. Она не только убеждена, что я люблю М., но знает будто бы и факты. Я отрицал это по совести. Она по природе очень добра, исковеркана жизнью, и я ее люблю, несмотря на всю наносную грязь; она мне гораздо симпатичнее дочери. Но вчера она истерзала меня.

Но Боже мой, Боже мой! Что из этого выйдет! Если я действительно полюблю, ведь я погибну! Она не любит меня и если не любит, зная три года, то никогда не полюбит. Хватит ли силы забыть ее? Есть одно средство: пока еще не поздно, перестать ходить в дом — но правда ли, что еще не поздно? Хватит ли теперь силы и на это? Наполеон сказал, что в любви возможна одна победа — своевременное бегство, — но он не сказал, когда надо бежать; в тот момент, когда скажешь себе: я люблю — пора бежать, в ту минуту ты уже пленник. Любовь, должно быть, самое прекрасное в жизни — *Himmelhoch jauchzend, zu Tode betrübt*⁴⁷, — но я боюсь, что на мою долю выпадет только последнее»⁴⁸.

Два этих источника (собственный дневник Гершензона и письма его к брату) несхожи между собой в тоне и подробностях до такой степени, как будто их писали два разных человека — что лишний раз заставляет задуматься о дефектах историко-литературной оптики *per se*, особенно в части биографического психологизма. С одной стороны, причины для радикального различия их манер очевидны: письмо предназначено к прочтению не одной парой внимательных и тревожных глаз; дневник же пишется для себя и будущего историка. С другой, разница этих двух авторских ликов в нашем случае все-таки феноменальна. 3 февраля 1895 г. Гершензон, собираясь на концерт в Благородном собрании по приглашению участвующего в нем А. Б. Гольденвейзера, сообщает родным:

«У него отличная техника, но, кажется, нет таланта, а вся семья считает его чуть не гением. Как бы этот концерт не огорчил их. Вообще

⁴⁷ Из трагедии Гете «Эгмонт» (1788); в пер. Ю. Н. Верховского: «Звездно ликуя, смертельно скорбя».

⁴⁸ Литературный факт. 2016. № 1–2. С. 22–24; там же — подробный комментарий. Краткие справки об упомянутых лицах встретятся и на страницах настоящего издания (см. указатель имен).

они друг друга считают феноменами, и в этом их несчастье. Им теперь, кажется, до крайности плохо — они кругом в долгах, а впереди не предвидится никаких новых источников. Притом на руках две дочери в 25 и 22 года, из которых каждая мечтает по меньшей мере о профессоре или великом артисте вроде Рубинштейна. В сущности, их всех, кроме матери, очень жаль. Мать еле дышит, но по-прежнему твердо и жестоко правит всей семьей. А все остальные страдают: дочери — от матери и от ужасной мысли о будущем, да кроме того и от нищеты в настоящем; младший сын — от зависти к более талантливым товарищам и от сознания своей неталантливости. Сильно страдает Коля и за нищету, и за долги, и за сестер, и за брата, и от мысли о том, что он никогда не сумеет завести свой дом, потому что у него на руках будут две сестры; а больше всех страдает отец — за все и за всех. Мать, зная, что жить ей остается не много, не хочет расстраивать себя неприятными размышлениями, и умышленно, с необыкновенной силой воли и колоссальным эгоизмом, закрывает глаза на все. — По крайней мере, так мне представляется их душевное состояние, и если они не чувствуют этого, то только потому, что мало думают или не хотят думать. А придет гость — они все имеют спокойный вид и даже веселы; надо их так хорошо знать и так внимательно наблюдать, как я, чтобы под этой внешностью увидеть драму»⁴⁹.

И несколькими днями позже, после этого самого концерта, вчерашний самоуверенный брюзга записывает в дневнике слегка дрожащим от нахлынувших чувств почерком:

«Опять два дня подряд видел ее, и опять теряю голову. Что делать? Я не только лишился спокойствия, но и попал в глупое положение. Что может быть глупее роли молчаливого вздыхателя? Я даю вещам идти своей дорогой, не ускоряя и не замедляя — не ищущу случаев видеть ее, но и не избегаю. Если бы Шура в среду не принес билета на грузинский вечер, было бы гораздо лучше. Весь вечер я сидел рядом с нею, а она была лучше, чем когда-нибудь раньше — может быть, самая красивая из всех. Весь вечер я сбоку смотрел на нее и плохо слышал, что пели и играли; такой вечер — несчастье: чувствуешь, как пьешь эту сладкую отраву, и не можешь оторваться. Под конец я совсем опьянел. Вчера вечером я пришел к ним, потому что не был целую неделю. Она опять опустила косу. Зачем она это делает? Она знает, что я люблю

⁴⁹ РГБ. Ф. 746. Карт. 18. Ед. хр. 9. Л. 19 об.–20.

это, и, не чувствуя ко мне ничего, дразнит меня все-таки. А сегодня я опять принужден идти к ним — на блины. Она, действительно, необыкновенно хороша. Сидя за столом, мы ежеминутно встречаемся глазами, и это выдает меня, но я не могу иначе — это делается невольно, как, вероятно, и у нее.

Все это кончится скверно и, что хуже всего, глупо. Я, наверное, никогда не скажу ей правды и уеду в самой ужасной тоске, буду тосковать и там, а она сейчас меня забудет. Но трудно сказать, не было бы ли много хуже, если бы она меня любила. Теперь мука — ее равнодушие, — тогда было бы не меньше муки, потому что явился бы этот ужасный вопрос о крещении. Теперь я бессилён помочь себе, — тогда счастье зависело бы от меня. Это было бы еще гораздо хуже. Я не должен креститься, ни в каком случае»⁵⁰.

Здесь нотабене.

По законам российской империи церковный брак между иудеем и христианкой был невозможен. Типичный путь к преодолению этой не слишком редкой коллизии состоял в том, чтобы жених принял крещение (сама перемена религии не только не возбранялась, а даже скорее поощрялась: см. рассказ Лескова «Владычный суд»). Таким образом действовал в свое время будущий тесть Гершензона, Борис Соломонович Гольденвейзер, крестившийся ради женитьбы на дочери орловского дворянина. Младшее поколение Гершензонов (т. е. сам М. О. и его брат), насколько можно судить, соблюдали еврейские обряды и традиции не слишком истово (впрочем, получив в праздничной посылке из дома кусочек мацы, Гершензон, по его словам «чуть-чуть не облил его слезами грусти и умиления»⁵¹), но Гитля Яковлевна была в этом смысле исключительно консервативна, в том числе на бытовом уровне. Когда годами позже она приезжала к семье младшего сына в гости, у нее всегда была особенная посуда; готовила она для себя самостоятельно, а когда одну из зим они с Гершензоном проводили в тверской уединенной усадьбе, первой заботой была поездка в губернский город, чтобы обеспечить поступление кошерного мяса.

Легкая небрежность в обрядовых вопросах не мешала Гершензону полно и глубоко ощущать свое еврейство. Много лет спустя, отвечая на вопрос А. Г. Горнфельда, он писал: «вырос в самой гуще русского

⁵⁰ Запись от 10 февраля 1895 г. // Литературный факт. 2016. № 1–2. С. 28–29.

⁵¹ Письмо к брату от 20 марта 1893 г. // РГБ. Ф. 746. Карт. 18. Ед. хр. 2. Л. 28.

еврейства, был лет до 15 очень набожен и, посещая гимназию, дома учился древнееврейскому языку. Активного участия в еврейских делах никогда не принимал, но был и остаюсь по-своему евреем; не крещен. <...> Вот мое непосредственное чувство: я чувствую себя евреем и социально, и субъективно-психологически»⁵². Таким образом, крещение делалось для него неприемлемым сразу по двум причинам — из-за силы еврейского самоощущения и из-за невозможности примирить с этим родителей (прежде всего мать). Эта решимость подверглась в ближайшее же время жестокому испытанию, причем по причинам не матримониального, а вполне житейского характера: в 1894 году из-за весьма запутанной системы военного призыва еврейских юношей для Гершензона возникла реальная опасность попасть в армию⁵³. Кружок сочувствующих ему москвичей был единогласен: «Но есть и другой исход, который и я лично, и все Гольденвейзеры Вам советуют и <ото>рый Вы, конечно, предвидите — это именно Крещение»⁵⁴. Нависшую над ним мрачную тень военного ведомства удалось развеять, не прибегая к крайним средствам, но само его упорство в этом вопросе показательно: впрочем, то, что не удалось Марсу, могла потребовать Венера.

За февраль, март, апрель и май 1895 года у нас есть подробная хроника их встреч и его чувств, благодаря сохранившемуся дневнику.

10 февраля, вечер. «Только что вернулся от них. Варв. Петр. пригласила прийти вечером. Пойду. Пойду и сегодня, и завтра, и в воскресенье — возьму последнее, что можно взять, а потом 2 недели не буду ходить и буду стараться не думать. — Сегодня при мне приехала Лидия Петр. М. взяла ее обеими руками за лицо и поцеловала.

⁵² Письмо от 20 января 1910 г. — «...Интимно понять русских я не в состоянии». Письмо М. О. Гершензона А. Г. Горнфельду. Вступ. заметка, комм. и публ. В. Кельнера // Вестник еврейского университета в Москве. 1993. № 4. С. 230–231. См. также: Письма Л. Б. Яффе к М. О. Гершензону. Публ., предисл. и комм. Б. Горовица // Вестник еврейского университета в Москве. 1998. № 2. С. 210–225; Комментарий к одному письму М. О. Гершензона, или снова о судьбах еврейского народа. Вступ. ст., публ. и комм. З. Копельман // Вестник еврейского университета. 2000. № 4. С. 311–320.

⁵³ Ср. в письме Н. Б. Гольденвейзера к Гершензону от 7 августа 1894 г.: «<...> вообрази мое изумление, когда в последнем письме от Шуры я узнал — со слов Вейнберга, что тебя берут в солдаты» (РГБ. Ф. 746. Карт. 31. Ед. хр. 43. Л. 35). Шура — А. Б. Гольденвейзер. О Вейнберге см. с. 87 наст. изд.

⁵⁴ Письмо Л. О. Вейнберга к Гершензону от 30 июля 1894 г. // РГБ. Ф. 746. Карт. 30. Ед. хр. 4. Л. 1.

Я не выношу, когда она обнимает или целует кого-нибудь. Она опять была с косой и опять смотрела на меня. Я должен бежать от этих взглядов. Как все это глупо! Неужели я обращусь в молчаливого вздыхателя, который смотрит на свой „предмет“ взором умирающей лани? Глупо и скверно!»⁵⁵.

12 февраля, ночь. «Только что вернулся от них. Ты хочешь знать, тетрадь, нет ли новостей? Нет, милая тетрадь! Она все так же хороша и равнодушна, все так же все понимает. Когда я подавал ей руку, прощаясь перед уходом, — я поднял глаза, и наши взгляды встретились; одно мгновение, но взгляд долгий, глубокий, ласковый; я унес его на прощание — на долгую разлуку — на две недели.

Действительно, как она хороша! Особенно серьезная, слушая разговор или музыку, и больше всего — когда смутится и заалеется. Лучше всего — глаза, особенно когда смотрят ласково. Этот взгляд точно переворачивает во мне сердце; тогда я сейчас отвожу взор. Теперь — две недели! Бесконечное время! Это будет 26 февраля; тогда я пойду рано, часов в 7. Потом, в следующий раз, пойду 10 марта, в день ее рождения. Это будет, кажется, в пятницу. Ей будет 22 года. Следовательно, она родилась 10 марта 1873 года. Надо ходить пореже, как можно реже; может быть, верну спокойствие и способность работать. Так, как теперь, — не хорошо. Может быть, самая работа даст возможность забыть. Надо задушить это чувство, от него не будет добра. В жизни есть высокие задачи, выше личного чувства; ради них и при помощи их надо бороться»⁵⁶.

18 февраля, ночь. «18 февр. Субб. 12 час. веч.

Я был у них и не сожалею. Она была в черном платье — моем любимом; оно удивительно идет к ней. Какая она умница! Я сказал между прочим, что женщину создали поэты и что они сделали ее привлекательной для нас не столько даже теми прелестями, которыми наделили их, сколько прелестью недостатков, которые в них нашли. Она ответила: но поэтов создала женщина. Это было прелесть как хорошо. <...> Мне снилось, что я целовал ее в уста и в веки полузакрытых глаз и держал ее руку в своей руке, держал ее мягкую руку, и целовал, и не мог оторваться. Потом я смотрел в ее глубокие глаза и страдал от счастья. Где мне взять эту мягкую руку, чтобы держать ее в своей руке,

⁵⁵ Литературный факт. 2016. № 1–2. С. 30.

⁵⁶ Там же. С. 31.

эти уста, эти глаза с мягким и ласкающим взором, это дивное лицо и эту ласку, нежную и безумно-страстную? Она будет моей — иначе не может быть!»⁵⁷

28 февраля, ночь. «Сегодня рождение Шуры. Был у них. Не знаю, так ли обыкновенно ревнуют, но я боюсь мысли, не то чтобы она полюбила другого, но чтобы другой влюбился в нее»⁵⁸.

6 марта, ночь. «Все то же. Третьего дня прошел с М. от их дома до Гигиенической лаборатории и обратно. В первый раз так долго разговаривали наедине. Нет, она не знает, но догадывается, то верит, то не верит. Говорили о ее писательстве. Я честно сказал ей свое мнение. Когда я просил ее не сворачивать в переулки, а пойти по Тверскому бульвару — тут я прибавил: мне так редко случается говорить с вами — она покраснела и сказала: „Со мной едва ли интересно разговаривать; я не умею говорить“. При прощании опять так ласково смотрела в глаза и крепко пожала руку»⁵⁹.

16 марта, ночь. «Из симфонического. Играли 9-ую симфонию Бетховена. Как будто целое событие в жизни. И тут Маруся. Какая она была красивая строгой красотой в своем черном платье! Раскраснелась от жары. В субботу увижу у Гиришбергов. Она меня, несомненно, не любит; зачем же она так смотрит? Я ей нравлюсь или симпатичен — это верно; она сама хотела бы быть со мною ближе, но не может отчасти потому, что знает, что я люблю ее, отчасти по своему характеру, отчасти потому, что ее стесняет сестра. Да, Т. Б. сильно стесняет ее, и присутствием, а главное — самостоятельностью характера»⁶⁰.

7 мая, вечер. «На этой неделе я бывал у них ежедневно. Сегодня встретил их на бульваре, погулял с ними, потом зашел — выпил стакан чаю и в начале 10-го ушел. Она была нездорова и бледна; на обратном пути мы шли вместе и разговаривали. Ее лицо покрылось румянцем; она была так хороша и мила, что я был, так сказать, тронут. Я знаю, что нравлюсь ей теперь больше, чем когда-нибудь, и что она часто думает обо мне. Что она ответила бы мне? А она, наверное, уже приготовила ответ — ведь она знает.

В мыслях я всегда зову ее: дитя. В ней действительно так много детского, и когда она дурачится, как маленькая девочка, я совсем

⁵⁷ Там же. С. 31–32.

⁵⁸ Там же. С. 33.

⁵⁹ Там же. С. 33.

⁶⁰ Там же. С. 34–35.

теряю голову. Иногда при ней на меня хлынет такая волна нежности, что я едва сдерживаюсь.

Когда она подает мне руку на прощание, мне так не хочется выпустить эту мягкую, теплую, милую руку! Она редко пожимает мою руку, но когда бывает недовольна мной, то тотчас отнимает ее, а иногда, особенно в последнее время, не отнимает. Ей, может быть, жаль меня, едва ли она меня любит, но, кажется, ей приятно, когда я прихожу»⁶¹.

На этом дневник заканчивается, поскольку его содержание вышло за его пределы: 9 мая они встретились; вечером того же дня было написано первое послание Марии Борисовны, открывающее переписку. Вероятно, 12-го или 13-го произошло решительное объяснение, вслед ему полетело письмо Гершензона (№ 2 по нашей нумерации), на которое М. Б. ответила мягким, категорическим и несохранившимся отказом. 19 мая Гершензон уехал на юг к семье, намереваясь не возвращаться в Москву как минимум два года. Географическая отдаленность способствовала отрезвлению чувств, так что первые письма из Шабо по тону и содержанию бесконечно далеки от страстных посланий месячной давности. В доме Гольденвейзеров у Гершензона были три корреспондента разной степени ранимости: Мария, Николай и Татьяна. По отдельным намекам в переписке и обмолвкам в мемуарах можно предположить, что последняя сама была не полностью равнодушна к Гершензону: и тем с большей, вероятно, охотой она вступила с ним в эпистолярный диалог после его отъезда. Первые ее письма по контрасту с сестринскими подробны, деликатны и даже весьма лиричны: «Михаил Осипович, я видела вас сегодня во сне. Вы были очень грустны, я стояла около вас и держала в руках две белые лилии; я положила вам руку на плечи, отдала вам одну из лилий и стала утешать вас. Если бы я в действительности могла утешить вас! Не правда ли, как я странно пишу вам; но если бы я не знала, что ваше сердце уже занято, я бы вам этого не сказала, поверьте»⁶².

Невзирая на заданный Татьяной Борисовной тон, именно ее (возможно, по праву старшинства) он выбирает, чтобы изложить в довольно дидактической манере свои взгляды на роль и предназначение женщины. Сочетание наивного позитивизма (вообще весьма свойственного этому кругу и этой эпохе), еврейского простодушия и студенческой

⁶¹ Литературный факт. 2016. № 1–2. С. 36.

⁶² Письмо от 9 июня 1895 г. // РГБ. Ф. 746. Карт. 31. Ед. хр. 45. Л. 21.

неделикатности делает его письмо довольно специфическим документом; бесценное для биографа, адресату оно могло показаться чуть не оскорбительным: «Не говоря уже о тягостях Вашей семейной жизни, о деспотизме, который не знаю как хватает у вас силы или любви переносить, Вас должна страшно мучить пустота Вашей настоящей жизни и бесцельность будущего. Вы не только живете дурно, но не живете совсем; значит ли это жить — жить без живого дела, без живых интересов, заменяя интересы жизни интересами музыки и литературы, этих далеких отражений жизни, не делая никому ни добра, ни зла, не прилагая своих сил и способностей, в вечном однообразии впечатлений!» И далее: «Вы живете не в той доброй и здоровой, хотя не лишенной резких перемен, атмосфере, в которой живут здоровые, работающие люди, а в искусственной атмосфере эстетических впечатлений, вредных своей исключительностью, и жизнь идет мимо вас. Ваша жизнь совершенно лишена движения; какой-нибудь шумный праздник, вроде того, который Вы описываете, как будто выводит Вас из этой неподвижности, но ведь он — только мираж, обманчивое подобие движения»⁶³ etc.

Очевидно, что это письмо, даже если отбросить его непростительную неуместность, означало перевод намечающегося диалога в совсем иную тональность. В результате Татьяна поделилась им с сестрой — и день спустя был готов их общий ответ: настолько холодный, насколько это вообще возможно. Переписка, впрочем, против ожидания, не прекратилась, но продолжалась до конца года: последнее из писем этой серии датировано 28 декабря — и в нем, в частности, Гершензон сообщает, что собирается в Москву. 12 января 1896 года он исполнил свое намерение, но побывал у Гольденвейзеров лишь через несколько дней, не обнаружив, кажется, ни в себе, ни в обеих барышнях ни следа охладевших чувств. В письме к брату (который, судя по дальнейшему, был полностью посвящен во все его сердечные дела) он сообщал: «Дочери ведут прежний образ жизни и ничуть не изменились; мое письмо оказалось — увы! — гласом вопиющего в пустыне. Татьяна Бор. с осени берет уроки у Климентовой, и голос ее необыкновенно усилился и улучшился, так что мы с Володей были удивлены. Она пела, а Володя аккомпанировал. Старуха здорова и ужаснее прежнего, так что даже Володя едва переносил ее. А за Володю боюсь:

⁶³ Письмо от 7 июля 1895 г. // РГБ. Ф. 746. Карт. 22. Ед. хр. 14. Л. 4 (черновик). В значительно больших извлечениях мы приводим его на с. 78–81 наст. изд.

Марья Бор., кажется, ранила его в самое чувствительное место: он все говорит о ней. Посмотрим, что будет дальше»⁶⁴. В столь же холодно-ироническом тоне выдержаны и дальнейшие упоминания: «Сегодня день рождения М. Б. Гольденв. — надо пойти поздравить; пойду развлекусь»⁶⁵.

В апреле Гершензон уезжает в Италию корреспондентом «Русских ведомостей», но переписка с сестрами не завязывается: «Ты спрашиваешь, Бума, переписываюсь ли я с барышнями Гольденв.; до сих пор не писал и переписки с ними вести не буду, но надо написать о себе и свой адрес. Сделаю это на днях»⁶⁶. По возвращении в Москву (Италия его разочаровала) он вновь видится с ними, резюмируя долгое свидание неутешительным вердиктом: «Воскресенье с 12 до 12 провел у Гольденв. — гуляли, обедали, варили варенье и проч. Все то же; денежные дела улучшились, барышни изящно одеты и все так же реют в поэзии и, если не ищут женихов, то с ужасом думают об их отсутствии. М. Б., если можно, еще похорошела и иногда по-детски мила, Т. Б., если можно, еще подурнела и — о ужас! — кокетничает. Моветон! Одним словом, оранжерея: приятно, только не следует долго оставаться, иначе от духоты и сильного аромата заболит голова»⁶⁷. В этом печоринском тоне выдержаны и последующие упоминания о Гольденвейзерах: «Иногда барышни становятся мне противны своим вечным бездельем. Свою ролью в жизни они считают, кажется, быть изящными. Вчера я на них смотреть не мог. М-те пригласила сегодня на блины, но я, поблагодарив, отказался под предлогом занятий»⁶⁸; «Сейчас пойду на час к Гольденв.; надо пройтись и освежиться. У них обыкновенно очень скучно, когда Шура не играет или Т. Б. не поет; трудно представить себе более монотонную бездельную жизнь — ни тени движения, как стоячая вода»⁶⁹ etc.

⁶⁴ Письмо от 22 января 1896 г. // РГБ. Ф. 746. Карт. 18. Ед. хр. 12. Л. 12–12 об. Володя — двоюродный брат Гершензонов, Владимир (Вильгельм) Анисимович (Онисимович) Громбах (1872–1952). См. о нем с. 106. Климентова Мария Николаевна (1857–1946) — певица.

⁶⁵ Письмо родным от 10 марта 1896 г. // РГБ. Ф. 746. Карт. 18. Ед. хр. 13. Л. 1 об.

⁶⁶ Письмо брату из Рима 1 июня 1896 г. // РГБ. Ф. 746. Карт. 18. Ед. хр. 14. Л. 1 об.

⁶⁷ Письмо к брату от 16 июля 1896 г. // РГБ. Ф. 746. Карт. 18. Ед. хр. 14. Л. 46 об.

⁶⁸ Письмо к родным от 20–23 февраля 1897 г. // РГБ. Ф. 746. Карт. 18. Ед. хр. 17. Л. 41 об.

⁶⁹ Письмо к родным от 29 марта — 1 апреля 1897 г. // РГБ. Ф. 746. Карт. 18. Ед. хр. 18. Л. 33.

Так проходит несколько лет. Гершензон нередко надолго уезжает (в Петербург, Одессу, Гейдельберг, Швейцарию) — и, за исключением нескольких спорадических посланий, регулярной переписки между ними не возникает. Зимой 1900–1901 года они жили буквально в соседних домах в Трубниковском переулке и виделись достаточно часто; к этому периоду относится комплекс не вполне классических документов — небольшие записки, посылавшиеся с прислугой из дома в дом. По их содержанию и тону можно составить представление о манере их отношений этого времени: за бытовыми мелочами, театральными планами, книжными хлопотами редко, но явственно видимы иногда искры бывших чувств. Кажется, к этому же времени относится сон Гершензона (тогда было принято видеть много снов), зафиксированный им в записной книжке:

«Не знаю — была ли то тяжесть книги, давившая мою грудь, или меня тревожила недочитанная фраза, но только вдруг я почувствовал сквозь сон какое-то глухое беспокойство. Я напряг свое бессознательное внимание, чтобы найти причину этой тревоги, и после некоторых усилий мне сразу осветились, как бы горящими буквами на черном фоне, три слова: Я вас люблю. И я тотчас же понял, что это — ее слова.

Минуту эти буквы неподвижно пылали передо мною, потом их точно застило, и когда я опять стал различать их, они уже не были неподвижны — они двигались. И в ту же минуту я увидел, что мимо меня идет к ним кто-то бледный и беспощадный, живой мертвец весь в черном, идет, не сводя с них холодного взгляда. Это была частица „не“. И я видел, как металась моя три слова, мои три бедные, милые слова, и как „люблю“ мгновенно замерло в ледяном ужасе под тяжелым, неподвижным взором его глаз.

Внутри меня словно что-то оборвалось. Я лежал недвижимо, как раненый насмерть, и чувствовал, как кто-то маленький, всегда живущий во мне, забился в угол и неутешно рыдает, закрыв руками лицо. И Бог весть откуда послышались мне вдруг обрывки стихов, когда-то написанных мною о ней же:

Она была прекрасна и печальна,
И я любил ее с глубокой грустью...

потом из середины:

Я больше слов любил ее молчанье,
И больше красоты — ее печаль;

я рванулся, я хотел ринуться, чтобы задушить это чудовище „не“, убившее ее любовь — книга с моей груди слетела на пол, и я открыл глаза. Был четвертый час; пот струился по моему лицу, я задыхался от духоты и жажды»⁷⁰.

Характерно, что М. Б., несмотря на всю горячность, высказанную ею некогда в ответ на гершензоновские неучтивые советы, последовала им в точности: в 1902 году она устроилась на работу в школу, чтобы вести ту самую проповедованную им трудовую жизнь. Протекцию ей составила в этом Елизавета Николаевна Орлова — новое и важное лицо в нашей истории.

Родовитая дворянка, внучка декабриста Орлова и наследница гомерического состояния была исключительно незаурядной личностью. О ее юности у нас нет почти никаких известий, за исключением беллетризованного жизнеописания, написанного в 1930-е годы: согласно этому тексту (в котором, кажется, тяга к агиографическому канону может превалировать над требованиями истины) она училась в Сорбонне на врача; была невестой морского офицера, погибшего в кораблекрушении; бесплатно лечила бедных в Москве и организовала в одном из своих имений благотворительную лечебницу⁷¹. С конца 1890-х годов она занимается вопросами образования, в частности, состоя попечительницей женского городского училища в Грузинах. С 1893 года Орлова была бессменным вице-председателем созданной при ее участии «Комиссии по организации домашнего чтения»: масштабного образовательного проекта, призванного заменить училище или гимназию тем, кто не мог надеяться на систематическое образование. Вероятно, ее знакомство с Гершензоном произошло в связи с работой комиссии около 1898 года⁷². Их сохранившаяся переписка была

⁷⁰ РГБ. Ф. 746. Карг. 13. Ед. хр. 19. Л. 1. Стихотворение (которое М. О. еще несколько раз будет цитировать в письмах) полностью нам неизвестно.

⁷¹ См.: Дулова Е. Г. По старой Москве. Елизавета Николаевна Орлова. Московская быль // РГБ. Ф. 218. Карг. 1387. Ед. хр. 8. Этот исключительно важный документ (к помощи которого мы многократно прибегаем в комментариях) принадлежит перу Елены Георгиевны Дуловой (1906–1987) — пианистки, актрисы; сестры арфистки Веры Дуловой. См. о ней также: Чегодаев А. Моя жизнь и люди, которых я знал. Воспоминания. М., 2006. С. 160–162.

⁷² В. Ю. Проскурина датирует их знакомство 1894 годом (см.: Проскурина В. Течение Гольфстрема: Михаил Гершензон, его жизнь и миф. СПб., 1998. С. 27). Самое раннее известное нам упоминание о факте их встречи относится к 1898 г.; этим же годом датированы первые повестки комиссии, отложившиеся в его архиве. Впрочем, в отчетах комиссии Гершензон фигурирует с 1896 г. (см. с. 113–114 наст. изд.).

ею основательно прорежена (в том числе и при помощи ножниц); дочь Гершензона, много позже комментируя это обстоятельство, замечала:

«По этим первым письмам видно, что в начале их знакомства был какой-то момент непростых отношений, близких к влюбленности, в одном из папиных писем Лили даже вырезала несколько строк. Думаю, что это было в период одного из папиных разрывов с мамой, неоднократно повторявшихся на протяжении их многолетнего трудного романа. Такой оттенок отношений, по-видимому, был с папиной стороны совершенно мимолетным (если только он вообще был).

Со стороны же Лили на всю жизнь осталось редкое по глубине, чистоте и бескорыстию чувство. Ее наивная, почти детская душевная чистота проявлялась по отношению к папе с самых первых дней. Очень скоро после того, как они познакомились, папа попросил Лили помочь одной его знакомой девушке устроиться учительницей в городскую школу. Речь шла о моей маме. Лили сама пошла к ней. Она рассказывала мне, что при первом взгляде на маму была очарована ею и тут же все поняла. То, что мама была папиной невестой, не только не оттолкнуло Лили от нее, а, наоборот, заставило отнестись с особенным вниманием и лаской. Несколько позже, когда в отношениях папы и мамы наступили какие-то осложнения и они чуть не разошлись, Лили употребила все усилия на то, чтобы их вновь соединить. Она ходила от одного к другому, носила их письма и т. д.»⁷³.

Упомянутая протекция была составлена в августе 1902 года, когда Гершензон совершал пешее путешествие по Швейцарии. М. Б., принятая на должность учительницы (несмотря на наличие у нее диплома, дело это оказалось весьма непростым), сообщала ему: «Я получаю это место только благодаря стараниям Елизаветы Николаевны Орловой. Она высказала по отношению ко мне необыкновенную доброту и сердечность, которых я, как почти незнакомый ей человек, не могла заслуживать, и так много хлопотала, что мне все время было совестно». В сентябре 1902 года Гершензон вернулся в Россию, но, пробыв в Москве буквально несколько дней, выехал в имение Катина Тверской губернии, принадлежавшее его дальним знакомым, где прожил до конца весны, выбравшись оттуда лишь на неделю в феврале. Судя по обмолвкам в письмах к брату, за демонстративным отстранением от московских связей стояла какая-то ссора: во время его короткой

⁷³ Гершензон-Чегодаева. С. 87.

февральской побывки они с сестрами Гольденвейзер встретились, что характерно, на лекции Бальмонта: «Были на этом заседании обе барышни Гольденв. — пришли, очевидно, послушать меня, а главное, сказать, чтобы перестал дурить и пришел к ним; я был с ними хорош по-прежнему, но идти не пошел»⁷⁴.

В середине апреля Гершензон возвращается в Москву, но не снимает себе квартиру и даже меблированных комнат, а скитается между друзьями: несколько дней живет у своего двоюродного брата Александра Громбаха, а остальное время в пустующей квартире Щепкиных⁷⁵. В один из этих дней он случайно встречается с М. Б. — и что-то ощутимо меняется. 22 апреля она пишет ему письмо, радикально расходящееся по тону со всей их предшествующей перепиской — спрашивая, среди прочего, что именно его оттолкнуло от их дома. Он отвечает подробным и, кажется, совершенно искренним письмом: «Мне тяжело и писать об этом, но скажу коротко: я был предан вам всем беззаветно, любил вас каждого и всех вместе, как только можно любить чужую семью, — и все годы знал твердо, что для вас я безразличен, вы все позволяли мне любить вас, и только, — были со мною любезны и милы, но поглубже вам до меня дела не было». После этого они видятся несколько раз и даже переписываются — в основном по делу. Сухие (а иногда и сварливые) интонации М. Б. могли обмануть ее корреспондента — но в архиве осталось несколько листочков ее дневника, относящегося к этому лету: и по ним понятно, что именно она пыталась скрыть. Текст оборван, начинается с полуслова:

«в угаре, пока М. б<ыл> в Москве, старалась встретить хотя бы на улице, но счастливые случаи редко повторяются. Я написала, — он ответил. Мы не увидались больше. Если бы увиделись, все было бы не так <отому> <что> я собою не могла и не хотела владеть.

Что же из всего этого вышло. Он написал мне письмо, прекрасное, умное, дорогое мне письмо. Я читала много раз его. Как мне ни горько было каждое слово в нем: я бы хотела ответить на него, должна ответить, а М. отнял у меня возможность, не дал адреса. Или он хочет умышленно заставить молчать меня, забыть все окончательно. Я не верю этому. Может быть, он думает, что я сама не написала бы больше ему. Но почему же он не чувствует правды? Я совершенно

⁷⁴ Письмо от 13 февраля 1903 г. // РГБ. Ф. 746. Карт. 19. Ед. хр. 17. Л. 24.

⁷⁵ Об этих, как и о прочих, попутно упомянутых и не растолкованных лицах, см. по именному указателю.

не могу существовать, не зная, где он, не имея возможности обратиться к нему в минуту наибольшего отчаяния. И теперь не переставая думаю, как узнать адрес, и все надеюсь, что он сам поинтересуется знать, что я хотела сказать ему, и даст мне возможность написать.

И вот опять началось хождение к почтовому ящику до иступления, превращающееся в какую-то манию.

Я была необыкновенно счастлива, увидев наконец мелкий дорожкой мне почерк, долго не открывала письма.

Я люблю М. всем существом своим, так глубоко и беззаветно, как нельзя больше, и получив это письмо, почувствовала еще ясней всю величину, всю силу своего чувства. А ему оно уже не нужно. Для него все отношения ко мне представляются уже чем-то изжитым, переболевшим, издерганным. Ему хочется только забыть и отбросить это. Для него оно уже не имеет жизни, мертво. Я хорошо сознаю это и понимаю, почему это так может быть. Но у меня самой в душе такой непочатый запас способности к счастью, я так мало расходовала его, что чувствую, если бы все у нас сложилось не так уродливо, если бы М. любил меня, хотел бы соединить со мною жизнь, заглушенный поток счастья проснулся бы во мне бурно, непобедимо, безгранично. И теперь иногда какая-то внутренняя сила помимо воли подымается во мне, я стремлюсь к жизни, хочу ее, хочу дать счастье всем, потому что верю тогда, что жизнь не может быть злом.

Эта бодрость к жизни растет во мне, несмотря на все ужасы, которые происходят в окружающей жизни, это теперь моя вера, т. е. бессознательное отношение к жизни. Я верю добру, не хочу поникнуть перед злом.

Я верю еще, что не потеряла М., хотя голова моя думает другое. Пишу все не то, не то, слова ничтожны...»⁷⁶.

М. О., кажется, не подозревающий о неожиданной взаимности, уезжает на два месяца в Куоккала, где, среди прочего, получает отчаянное письмо Татьяны Борисовны. Пересказывая его брату, он резюмирует:

«В их семье разгром. В прошлом году Коля и Шура женились; Коля живет с женой в лицее, а Шура жил с семьей. Теперь, пишет она, решено так: она будет жить у Коли в лицее, Марья Бор. (которая городской учительницей) будет жить у себя в школе, а Шура с женою берут к себе отца. Видно, барышни не ужились с женою Шуры. Жаль их:

⁷⁶ РГБ. Ф. 746. Карт. 46. Ед. хр. 9. Л. 1.

личной жизни у них уже не будет (Т. Б. 34 года, М. Б. 30), а теперь исчезает и семейный уют, и обеспеченный кусок хлеба, и комфорт. Много в них хорошего, но они загублены воспитанием, всем режимом деспотки-матери. Эти два месяца, что я жил теперь в Москве, они и при встречах на улице, и письмами просили меня оставить свой каприз и снова бывать у них, но я мягко и решительно отказался. Каждый в отдельности они мне милы, но вместе они обнаруживают такой семейный эгоизм, да и пошлая компания музыкантов, бывающая у них, так несносна, что у меня нет охоты возвращаться. — Я посоветовал Т. Б. искать места классной дамы и, если она захочет, помогу ей»⁷⁷.

14 августа Гершензон возвращается в Москву и неожиданно оказывается среди переменившихся декораций. 22-го вечером он впервые приходит в М. Б. в гости: семья уже разъехалась, и она живет в казенной квартире при школе. Поздней ночью она писала сестре (которая к тому времени хорошо осведомлена о ее сердечных переживаниях): «До обеда была занята, а в 5 часов ко мне пришла тетя Зина прощаться. Когда она сидела у меня, раздался звонок и пришел М. О. Благодаря присутствию тети Зины, наша встреча вышла, может быть, и не совсем естественною, но зато простою. Потом, когда она ушла, мы из этого тона не выпали, т.ч. не было трудно. Он просил тебе очень кланяться»⁷⁸. Четыре дня спустя он приходил еще раз: «Я хотела писать тебе раньше и только что вернулась из лица, куда ездила за бельем, пообедала, как пришел М. О. и просидел до сих пор. Это мне очень трудно дается, т.е. самое последнее. Он мне очень много интересного рассказывал»⁷⁹. Благодаря богатству архива и принятой доверительности между родственниками, мы можем видеть, насколько переменились их роли — как М. Б. ловит каждое его слово и до какой степени — без рисовки — выглядит равнодушным он. За эти дни он отправил три письма родным — про воспитанников Орловой, про лечение лишая, про старика Щепкина и про 40 рублей, которые задолжал ему издатель — и ни одним словом не обмолвился про свои визиты (если не считать брюзгливого теоретического рассуждения про

⁷⁷ Письмо от 18 июля 1903 г. // РГБ. Ф. 746. Карт. 19. Ед. хр. 20. Л. 23–23 об. Оригинал письма Т. Б., датированный 9 июля 1903 г., см.: РГБ. Ф. 746. Карт. 31. Ед. хр. 47. Л. 1–2 об.

⁷⁸ Письмо М. Б. Гольденвейзер к Т. Б. Гольденвейзер от 22 августа 1903 г. // РГБ. Ф. 746. Карт. 47. Ед. хр. 10. Л. 9 (машинописная копия).

⁷⁹ Письмо М. Б. Гольденвейзер к Т. Б. Гольденвейзер от 26 августа 1903 г. // Там же. Л. 10.

дороговизну женитьбы). Впрочем, холодность эта ненадолго — и вечером 5-го числа происходит решительное объяснение⁸⁰. На другой день он отправляет (или приносит сам: почту оно не прошло) счастливое письмо, положившее начало новому этапу их отношений.

Две недели спустя Гершензон уезжает к родным в Одессу — объявить радостную новость он мог только брату и его жене, но никак не матери: конфессиональное затруднение, значительность которого он предчувствовал несколько лет назад, сейчас казалось почти непреодолимым. В переписке ближайших недель и месяцев этот вопрос делается преобладающим и сводится, по сути, к дилемме, благополучием кого из родителей пожертвовать во имя будущего союза любящих сердец. По мнению Гершензона, Гитля Яковлевна не перенесла бы перехода сына в христианство; по ощущению М. Б., Борис Соломонович не вынес бы жизни дочери в гражданском браке. Волею случая у этой ситуации нашлось значительное число сочувствующих. Сам Гершензон 22 сентября писал Е. Н. Орловой: «Брату сказал, он очень обрадовался за меня, ободряет, что все уладится, но не только против крещения», а даже не советует вообще теперь что-нибудь говорить матери. Он говорит, что надо уломать отца М. Б., чтобы он позволил ей не венчаться и пр.; и брат, и его жена очень просто относятся к этому способу, как и я, как и она. Ну, пока ничего не знаю»⁸¹. Сам брат, искренне, кажется, воодушевленный, в те же дни писал будущей золовке: «Мария Борисовна, я хочу сказать Вам, как сильно обрадовало меня то, что я узнал от Миши, и как горячо я желаю вам обоим счастья. Я Вас совсем не знаю, но хорошее воспоминание, которое я сохранил о нашем кратковременном знакомстве, и то, что Миша говорил мне о Вас, дает мне уверенность, что Вы сделаете его счастливым. Вы не знаете, да и он сам не знает, как сильно, можно сказать — болезненно, я люблю его. И Вы, с которой он соединил теперь свою жизнь, стала мне близкой, родной. Ради Вас обоих я хотел бы теперь только одного, чтобы вы имели возможность поскорее устроиться вместе»⁸².

⁸⁰ Судим по ретроспективной дневниковой записи от 31 декабря 1903 г.: «22 августа в первый раз пошел, вечером, к Марусе, 5-го сент<ября> веч<ером> — признание» (Гершензон М. О. Дневник 1903–1904 гг. // Архив ученого-филолога. Сборник научных статей и публикаций. Ответственный редактор и составитель Е. Р. Обатнина. СПб., 2018. С. 180).

⁸¹ РГБ. Ф. 746. Карт. 26. Ед. хр. 27. Л. 24.

⁸² Письмо А. О. Гершензона к М. Б. Гольденвейзер от 24 сентября 1903 г. // РГБ. Ф. 746. Карт. 47. Ед. хр. 32. Л. 1.

Впрочем, уже 27-го числа под влиянием осторожного разговора с матерью, явно подтвердившей свою будущую бескомпромиссность, Гершензон принимает окончательное решение, о чем сообщает Орловой: «Матери ничего не сказал; довольно, что пришлось объявить ей решение — жить теперь врозь, да и бесполезно было бы. Кр<еститься> я не могу, а все остальное сделаю без ее согласия. С чьей-нибудь стороны должна быть жертва; то, чего я требую от нее, легче, чем то, что я мог бы сделать (т. е. кр<еститься>) — тут дело не в торге жертвами, а в том, что я тут навеки должен потерять мать и сделать ей тяжелое горе на всю остальную жизнь — это свыше моих сил; а так будет горе небольшое и преходящее (т. е. у отца, если не официально). Выход один — не официально»⁸³. На следующий день он пишет об этом же М. Б.: «Я далек от мысли считаться с тобою жертвами, но дело стоит просто: твой отец в этом случае останется тебе отцом и ты будешь видеться с ним; моя мать в том случае не захочет видеть меня никогда» etc.

Этот обоюдно мучительный полуразрыв затягивается на осень, зиму и следующую весну. 30 ноября М. Б. пишет сестре: «Ты знаешь, я не привыкла очень возиться с собою и всегда жила больше головной жизнью. Теперь голова отошла на задний план. Я плохо анализирую все, что происходит со мною, и потому совсем не умею говорить. Много страдаю, многое не могла бы достаточно оценить никакими хорошими словами. В общем же чувствую себя как на краю пропасти, не верю в реальность того, что происходит и каждую минуту дрожу, что от одного неосторожного движения все разлетится, исчезнет как туман, как сон, как непростительная в мои годы иллюзия. Мне страшно самого близкого будущего, п<отому> ч<то> я предчувствую его мрак и ужас. Может быть, с моей стороны это слабость, но я ей постоянно поддаюсь. Впрочем иногда, например сегодня, был такой яркий солнечный день, что хотелось верить в существование земных радостей»⁸⁴.

Остановившись перед необходимостью тяжелой жертвы, оба они пребывали в схожем состоянии, не имея душевных сил ни решиться самому, ни требовать того же от другого. На эти месяцы главную роль в их остановившейся истории сыграла близко к сердцу ее принявшая

⁸³ РГБ. Ф. 746. Карт. 26. Ед. хр. 27. Л. 26.

⁸⁴ Письмо М. Б. Гольденвейзер к Т. Б. Гольденвейзер от 30 ноября 1903 г. // РГБ. Ф. 746. Карт. 47. Ед. хр. 10. Л. 14.

Орлова. Обстоятельства одной из ноябрьских встреч, организованных ею, Гершензон фиксирует в дневнике:

«Четвертого дня вечером, т. е. 12-го, я пришел к Е. Н. Оказалось, что она накануне была у М. вечером и застала ее в слезах, вконец измученною; М. рассказала ей все и просила узнать, что я делаю; Е. Н. днем была у меня, но не застала, а М. должна была на другой день прийти к ней узнать. Я написал М. несколько строк, чтобы Е. Н. передала, и вот на другой день, в четверг, в 4 ½ ч. она пришла ко мне. Я наполовину отказался от своей мысли, когда узнал, как она страдала, и на другую — когда увидел ее. Она плакала, как всегда, без слез; оба измучились. Вчера вечером я был у нее, и сегодня на минутку.

А после этой истории я сразу почувствовал, что она права, что сказать это отцу невозможно; теперь у меня совсем нет надежды»⁸⁵.

Месяц спустя в том же дневнике появляется запись:

«В субботу был я вечером у Маруси и, любя ее в тот вечер больше, чем когда-нибудь, твердо сказал ей, что больше не приду к ней и чтобы она не шла ко мне. Это надо кончить, иначе мы не удержимся, и будет худо. Сойтись и жить однако врозь — не только будет мучением, но главное, и чего я больше всего боюсь — что тогда я скоро разлюблю ее; а живи мы вместе, этого, кажется мне, никогда не будет. И вот я тут один грущу среди своих книг до полноты душевной (сердце ширится от грусти), а там она грустит еще больше»⁸⁶.

Еще несколько случайных и неслучайных встреч приходится на декабрь 1903 — февраль 1904 года. Сопровождаемые в дневнике недолгой решимостью («Да все равно. Надо забыть»⁸⁷), они оставляют у обоих тяжелое чувство. В декабре М. Б. перебирается из казенной квартиры к брату Николаю, преподающему в Катковском лицее и живущему там же; в письме к сестре она говорит, что переезд ощущается ею как безнадежное расставание с М. О. — но тут же оговаривается: «Но впрочем, это относится к области патологии, и о подобных вещах не следует писать»⁸⁸. Ситуация начинает выправляться к весне: об этом времени у нас нет сторонних свидетельств, но с февраля

⁸⁵ Запись от 15 ноября 1903 г. // Гершензон М. О. Дневник 1903–1904 гг. С. 173–174. Между предпоследней и последней фразами вырезано несколько строк.

⁸⁶ Запись от 24 декабря 1903 г. // Там же. С. 176.

⁸⁷ Запись от 9 января 1904 г. // Там же. С. 182.

⁸⁸ Письмо М. Б. Гольденвейзер к Т. Б. Гольденвейзер от 16 декабря 1903 г. // РГБ. Ф. 746. Карт. 47. Ед. хр. 10. Л. 15.

тон их писем явственно меняется. Удивительным образом взаимная их переписка и гершензоновский дневник 1903–1904 гг. финишируют одновременно: 23 февраля М. О. приглашает М. Б. на лекцию о народной музыке, имеющую состояться послезавтра. В день лекции, 25-го, он делает последнюю запись в дневнике, где сообщается об этом же предстоящем концерте. И только месяц спустя выясняется, что все это время Гольденвейзеры-младшие плели тонкие нити заговора, чтобы смягчить Борису Соломоновичу горестную весть: «Теперь дело стоит так, что все за нас (т. е. Коля, Шура и Тат. Бор.), с отцом Маруся уже говорила, и он достаточно подготовлен. Еще будут с ним говорить сыновья, на днях, и на днях же, когда Коля даст мне знать, я приду формально говорить. Надеемся, что недели в две все будет сделано. <...> Сколько душевной красоты показала в этом деле М., сколько кротости, и силы, и терпения в отношении ко мне, это поистине удивительно. Много она вынесла в эти полгода, больше меня; и я мучил ее, и потом каждый раз казнил себя скорпионами. То же, что с мамашей; видно уж я таков. Да, а мамаша — о ней не могу думать без слез: теперь уже никогда, никогда не буду жить с нею, и так, одна, доживет она свой безрадостный век. И так бы не мог с ней жить, все равно, а теперь уж это будет подписано и припечатано, — и как-то страшнее греха. А с самым фактом, я думаю, она скоро примирится; для нее будет большим утешением, что не крещусь»⁸⁹.

Попутно обсуждаются ближайшие намерения: сперва они собираются поехать в Киев, а оттуда в Одессу представлять М. Б. матери; на дальнем плане вырисовывается надежда отправиться в Швейцарию, чтобы там, как выражается Гершензон, «граждански обвенчаться»⁹⁰. Из-за накладок и нестыковок разного рода (свою роль играет и личное нетерпение, и соображения материального характера) намерения эти переверстываются — и 29 апреля пятичасовым поездом они выезжают в Петербург. За рубль взятки проводник предоставил им отдельное купе. С этого дня они считали годовщины своего союза.

Утром 30-го под мелким дождиком они зашли в ателье на Невском и сфотографировались на память (первый их совместный снимок): как позже писал Гершензон брату, «вышло так уродливо, что, выйдя,

⁸⁹ Письмо Гершензона к брату от 2 апреля 1904 г. // РГБ. Ф. 746. Карт. 19. Ед. хр. 24. Л. 14–14 об.

⁹⁰ Там же. Л. 15.

я тут же порвал карточку»⁹¹. К середине дня развиднелось: они дошли до Невы, сели на пароходик и поплыли на нем кататься. Вечером пошли обедать в кулинарную школу: это тип заведения, не переживший 1917 года, где будущих домохозяек учили готовить разнообразные блюда, а результатами их экспериментов за очень скромную плату кормили всех желающих. На следующий день у М. Б. открылось тяжелое кровотечение, что заставило их остаться в Петербурге еще на несколько дней. Когда опасность миновала, оба они рассказывали о происшествии в письмах:

«Я потерял голову, один, не решаясь отлучиться; рассылал коридорных за врачами, были двое и ничего не сделали. Наконец удалось достать женщину-врача, которая тотчас остановила кровь; у нее собственная лечебница, и она велела тотчас перевезти М. к ней. <...> Во вторник М. уже встала, а теперь мы ежедневно ходим гулять и пр.; докторша говорит, что она вполне здорова, и она тоже сама чувствует себя здоровой и даже не очень слабой. <...> Над лечебницей меблированные комн<аты>, где я и взял комнату, там только ночую, а весь день провожу в лечебн<ице> у Маруси. Эта история стоила больше 100 руб., так что я остался без денег; написал в Москву, и с часу на час жду денег — оттого до сих пор не уехали. Очень томительно здесь сидеть, и завтра утром непременно уедем»⁹².

Упомянутые сто рублей должна была прислать Орлова, которая получала столь же подробные репортажи⁹³. 10 мая они добрались до Гунгербурга, популярного дачного места на берегу Балтийского моря; собственно, туда они и направлялись с самого начала. Несколько недель, проведенных там, вопреки неблагоприятным ауспiciям, оказались впоследствии счастливейшим воспоминанием. Гершензон по вечному своему трудолюбию взял с собой запас переводов и корректур; М. Б. ему помогала. Идиллические письма, адресованные родным и близким в Одессу и Москву, полны описаний курортного быта (впрочем, не без критических ноток: «Здесь жители противные —

⁹¹ Письмо Гершензона к родным от 30 апреля 1904 г. // Там же. Л. 27.

⁹² Письмо Гершензона к родным от 7 мая 1904 г. // Там же. Л. 28. Ср. в его более позднем письме к матери: «Подумайте, как началась наша совместная жизнь, что я чувствовал, когда ее на носилках выносили, полумертвую, в карету, чтобы везти в лечебницу. Я рыдал как ребенок целыми часами» (письмо от 14 мая 1904 г. // РГБ. Ф. 746. Карт. 17. Ед. хр. 7. Л. 4 об.).

⁹³ Письмо от 4 мая 1904 г. // РГБ. Ф. 746. Карт. 26. Ед. хр. 28. Л. 12.

ходят расфранченные, в шляпах, чуть не в перчатках, так что противно гулять»⁹⁴) и распорядка. К подробным посланиям, которые М. Б. отправляет сестре, М. О. делает приписки с нехарактерными него образцами слегка тяжеловесного юмора: «Беречь Марусю? т. е. чтобы я стал обожать бабе <sic>? Да мы раза три на день деремся. Помилуйте: показалось ей вчера, что у меня насморк, так ведь мне второй день житья нет, — как тут не драться? Сегодня написала: *находка*, — я, натурально, за косу; и т. п.»⁹⁵.

Впрочем, наметилась и новая проблема: из Одессы чередой шли панические письма — мать Гершензона, узнав об их соединении, впала в болезненное состояние, так что даже обсуждался план их срочной поездки к ее одру.

25 апреля Гершензон писал ей:

«Дорогая мамаша! Теперь Вы все знаете и наверное очень огорчены и плачете. Мне очень тяжело, что я должен был так огорчить Вас, но подумайте: что я могу сделать? Я люблю эту девушку почти десять лет; если бы я не соединился теперь с нею, то, наверное, ни на ком другом никогда не женился бы. А с ее стороны великое мужество, что она решается на такой шаг, и своего отца она огорчает еще гораздо больше, чем я Вас. Тем более, что у него болезнь сердца и от всякого волнения у него может сделаться разрыв сердца. Согласитесь сами, что при таких условиях было бы естественно, если бы она потребовала, чтобы я крестился; а она этого ни разу не потребовала и приняла всю жертву на себя.

Я знаю, для Вас будет утешением то, что я не крещусь; но я должен сказать, что не крещусь я не столько для Вас, сколько для себя самого: я не способен на это, и, наверное, никогда не крещусь. Единственное, что может Вас сильно огорчить, то — что мои дети будут православные; но это все-таки для Вас легче, чем если бы я крестился.

Не сердитесь также на меня за то, что я раньше не рассказал Вам. В сентябре, когда я ехал к Вам в Шабо, я ехал с намерением сказать Вам, но Бума отсоветовал, и я согласился, что он прав. Вы тогда хорошо поправились, а я бы Вас расстроил; и к чему? Если бы Вы и были

⁹⁴ Письмо М. Б. Гольденвейзер к Т. Б. Гольденвейзер от 26 мая 1904 г. // РГБ. Ф. 746. Карт. 47. Ед. хр. 10. Л. 24. О Гунгербурге и его месте в истории см. прежде всего: Стрелков В. Золотое кольцо Гунгербурга. Курорт Нарва-Йыэсуу. СПб., 2007.

⁹⁵ Приписка Гершензона к письму 18 мая 1904 г. // РГБ. Ф. 746. Карт. 47. Ед. хр. 10. Л. 22.

против, я все равно не мог бы поступить иначе; значит, я только напрасно доставил бы Вам неприятности на полгода раньше. Бума может Вам сказать, как меня всю эту зиму мучила мысли об огорчении, которое я причиню Вам. Теперь, когда я уже не одинок, я люблю Вас не меньше, чем в прежние годы, вообще люблю больше всех на свете, да Вы и сами это знаете. Вы видели, что навсегда поселиться с Вами мне оказалось невозможным; в этом отношении мой поступок ничего не меняет. А приезжать к Вам я буду по-прежнему, и теперь я строю свои планы прежде всего так, чтобы увидеться летом с Вами»⁹⁶.

В результате М. Б. сама написала Гитле Яковлевне письмо (оно сохранилось среди писем М. О.):

«Милая, дорогая, я давно всей душой хотела писать Вам, но боялась Вас еще больше огорчить, сделать неприятное. Сегодня получилось Ваше второе письмо к Мише, и я не могу больше молчать, и думаю, что Вы на меня не рассердитесь за это. Вы доставили мне большое счастье, написав, что можете полюбить меня, если я не буду причиной крещения Миши. Горячо благодарю Вас за доброе отношение ко мне»⁹⁷.

Как представляется, письмо это ее не то чтобы утешило, но как-то смягчило остроту переживания. Поскольку наиболее страшным исходом ей по-прежнему представлялось крещение сына, вероятно, ее удалось убедить, что таинство в обозримом будущем не планируется. Уже накануне отъезда обратно в Москву Гершензон не без горечи подводил итоги прошедших недель: «С тех пор как решено было, что мы соединимся, у нас до сих пор не было ни одного хорошего дня: в Москве мучились из-за отца, в Петербурге постигло нас несчастье, а здесь мысль о мамаше отравляет каждый час. Только минуты хорошие. А до того, как было решено, вся зима — сплошная мука. Вот и долгожданное счастье»⁹⁸.

Первоначальный план состоял в том, чтобы выехать из Гунгербурга в первых числах июля в Москву, оставить там вещи и отправиться в Козлову Засеку — деревню рядом с Ясной Поляной. Александр Гольденвейзер, брат М. Б., был своим человеком в семье Толстого, так что это лето вся семья проводила там. Прожив некоторое время с ними, Гершензоны собирались нанять себе квартиру в Москве, обустроиться и поехать в Одессу, чтобы М. Б. познакомилась с семьей мужа.

⁹⁶ РГБ. Ф. 746. Карт. 17. Ед. хр. 7. Л. 2 — 2 об.

⁹⁷ Там же. Л. 9.

⁹⁸ Письмо к брату от 21 мая 1904 г. // РГБ. Ф. 746. Карт. 19. Ед. хр. 24. Л. 44.

В это вмешались обстоятельства: Бума в качестве военного врача был призван на японский фронт, так что пришлось, скомкав пребывание в Засеке, срочно выезжать в Одессу. По семейному преданию, когда невестка впервые вошла в дом Гитли Яковлевны, та легла на кровать, отвернувшись от нее, и пролежала так до вечера. В письмах этого эпизода нет, хотя первые минуты, судя по всему, были обоюдно тягостны: «Когда мы приехали, то мать его встретила нас слезами и долго не могла успокоиться. Но с половины дня она совсем переменилась. Теперь она, кажется, уже совершенно успокоилась: ко мне необыкновенно ласкова, и заботлива, и готова привязаться. Я ей, по-видимому, очень нравлюсь»⁹⁹. Несмотря на смягчение нравов, мобилизация брата нарушала все гершензоновские планы:

«Мы думаем уехать из Одессы числа 10, заедем в Засеку, где пробудем два дня и надеемся узнать окончательно, можно ли будет нам основаться там на зиму. Теперь для нас это было бы очень важно и в материальном отношении, потому что Мише придется посылать довольно много денег в Одессу матери и жене брата, т. к. его жалованья едва будет хватать на его собственное содержание в Омске. Это очень большая забота для Миши в особенности, потому что он должен будет энергично взяться за переводы, а на свою настоящую работу почти не останется времени. Мы же предполагали устроиться совсем не так»¹⁰⁰.

В конце августа они начинают подыскивать себе первую совместную квартиру. По соображениям финансового характера и по склонности к уединению они хотели поселиться за пределами Москвы: обсуждалась та же Засека, Клин, Звенигород... Не найдя ничего подходящего, они подумывали об отъезде в одно из дальних имений Орловой, но неожиданно подвернулся вариант в Подольске. Жизненные стандарты класса, к которому они оба принадлежали, были далеки от сегодняшних: для семейной и пока бездетной пары предполагалась квартира не менее чем из четырех комнат и непременно прислуга (неумение совестливых Гершензонов найти нужный тон в обращении с последней сделается на много лет причиной бесконечных огорчений). Столь же далек от сегодняшнего облика был и подмосковный

⁹⁹ Письмо М. Б. Гольденвейзер к Т. Б. Гольденвейзер от 26 июля 1904 г. // РГБ. Ф. 746. Карт. 47. Ед. хр. 10. Л. 44.

¹⁰⁰ Письмо М. Б. Гольденвейзер к Т. Б. Гольденвейзер от 1 августа 1904 г. // Там же. Л. 46.

Подольск: в нескольких сотнях метров от вокзала нашелся каменный особняк с шестью комнатами (одна для служанки), собственным садом, мебелью, кухней и террасой; дополнительным приобретением был состоящий при доме дворник с цепной собакой (последнее было недостатком: с Гершензонами переезжала Зорька, двухлетний черный сеттер, принадлежавший М. О.). Летом дом предлагался в аренду за 250 рублей в месяц (что для Гершензонов было непомерно дорого), но до 1 мая следующего года его договорились сдавать всего по 25 рублей, что казалось более чем приемлемо (и минимум вдвое дешевле сопоставимой квартиры в Москве). Основной их багаж составляли книги — восемьдесят пудов (нетипичная для библиофила единица измерения, поневоле принятая под влиянием ломовых извозчиков), но хватало и прочего тяжеловесного имущества. С сентября, после долгих, но в основном приятных хлопот, они разместились в новом доме и вскоре уже принимали гостей. Во время одного из визитов прислуга Маша срочно позвала хозяйку дома из гостиной: «барыня, пожалуйста в кухню, у вас рука счастливая, а то они (блинчики) со сковороды не сходят»¹⁰¹.

Денежная сторона их жизни была (и осталась навсегда) довольно хаотической. М. О. ни единого дня в жизни не служил — университетской карьере мешала национальная квота; на протяжении 1890-х годов несколько раз возникали сложные проекты, в финале которых просматривалась кафедра в одном из провинциальных университетов, но всякий раз они упирались в это непреодолимое обстоятельство. В ранние годы он, как и большинство русских студентов, давал частные уроки (однажды — с многомесячным проживанием в зажиточной семье учеников), но этот способ заработка с трудом мог прокормить семью. Однако еще в университете он открыл для себя наиболее эффективное в финансовом отношении поле деятельности: переводы. В книжном репертуаре рубежа веков издания учебного и энциклопедического характера занимали чрезвычайно значительное место: технический прогресс в полиграфии фундаментально удешевил производство, отчего книги сделались доступны широким слоям грамотного населения. Возникшие на этой просвещенческой волне издательские гиганты во многом ориентировались на перепечатки иноязычных (в основном немецких) многотомных монографий,

¹⁰¹ Письмо М. Б. Гольденвейзер к Т. Б. Гольденвейзер от 2 октября 1904 г. // Там же. Л. 56.

компиляций и энциклопедий. Это, в свою очередь, породило почти ажиотажный спрос на работу переводчиков, от которых требовалось не только соблюдать сроки и объемы, но и обладать определенным литературным дарованием. Гершензон, с его блестящим знанием немецкого, педантизмом, талантом и работоспособностью, был идеальным сотрудником, что обеспечивало его постоянным объемом заказов. С другой стороны (что составляло предмет его интенсивных переживаний), техническая работа мешала ему заниматься тем, к чему он чувствовал высшее предназначение и сердечную склонность — русской историей и литературой. (Еще в 1903 году он полу-серьезно сетовал Орловой: «Мне на роду написано, по-моему: иметь тысячи две десятин земли, жить помещиком, чтобы крестьяне пахали, а я не заботился о деньгах, и писать медленно и вдумчиво досужие книги, давая вызреть мысли и вылежаться написанному, бросить перо для прогулки и, вернувшись с прогулки, написать одну-две страницы, полные свежестью полей. Вот что мне написано на роду, а меня обманули, и я должен торопиться и мучиться, пишу к спеху нервные или, если хотите, раздерганные статьи. Вот какие у меня безнравственные мысли; это, конечно, очень дурно, я сам знаю, но что же мне делать? Да! И чтобы был камин, непременно!»¹⁰²). Попытками примирить эти противоречия будут заполнены ближайшие годы.

Таким образом, заработок Гершензонов сводился к нерегулярным и сдельным гонорарам М. О. (М. Б. уволилась из школы сразу после замужества¹⁰³). Впрочем, в первые годы совместной жизни неустойчивость этого положения их не слишком занимала: подводя итог 1904 году (они остались в том же доме и с наступлением теплых дней вынуждены были платить за него по летней ставке), М. О. писал брату: «Теперь надо немножко перевести, чтобы покрыть часть аванса и иметь совесть взять снова. Очень кусаются 250 р. за дачу. Я не жалею, впрочем. Уходит теперь много, и я стал как две капли воды похож на какого-нибудь одесского коммерсанта, который там займет, чтобы отдать здесь, там продолжит вексель, а здесь отпросится, — с той разницей, что заранее об этом не думаю и не волнуюсь, и Маруся тоже. В результате выворачиваюсь, а долга за этот год не увеличил ни на

¹⁰² Письмо от 19 февраля 1903 г. // РГБ. Ф. 746. Карт. 26. Ед. хр. 26. Л. 12.

¹⁰³ В 1906 г. она недолго проработала в кадетской газете «Народный путь» анонимной составительницей раздела иностранных известий, но пребывание в редакции было ей неудобно психологически, так что службу пришлось оставить.

грош — значит, заработал же. Не знаю, что будет дальше, а пока нас спасает наша денежная беззаботность, хотя мы и очень бережливы»¹⁰⁴.

В феврале 1905 года родился их первый сын, названный по настоянию Гершензона Александром (родители звали его Шушкой). Он прожил всего четыре месяца и умер в июне от туберкулезного менингита, но влияние его на всю их дальнейшую жизнь было ни с чем не сравнимо. Тревожность, мнительность и склонность к меланхолии, издавна отличавшие обоих, приобрели после общей трагедии характер, граничащий с исступлением. М. О., топивший горе в работе, вернулся (по крайней мере в переписке) месяцы спустя к внешне спокойному тону, но М. Б. изменилась навсегда. Ее гипертрофированная опека и панические страхи наложили глубокий отпечаток на будущую жизнь всей их семьи (в 1906 году у Гершензонов родился сын Сережа, а в 1907-м — дочь Наташа). Они уезжают из Подольска и с августа 1905 года поселяются в Москве на Малой Никитской: «Квартиру мы наняли за 45 руб. 4 крохотных комнаты в тихом и центральном месте»¹⁰⁵. Летом следующего года в связи с рождением сына они переехали: «Мы наняли квартиру в Борисоглебском переулке в том доме, где жил Шура <Гольденвейзер>. Во дворе на 3-ем этаже. Квартира веселая и удобная, пять комнат (55 р. в месяц)»¹⁰⁶.

Рождение детей повлекло за собой новое неудобство, связанное с неофициальным статусом их брака: крестить младенцев приходилось в качестве незаконнорожденных детей девицы Гольденвейзер. При этом, согласно традиции, в таких случаях крещаемым назначали отчество по имени крестного отца, так что Гершензонам приходилось подбирать на эту роль Михайлов: Сабашникова для сына и Богословского для дочери. Еще в 1905 году после указа о веротерпимости, существенно повышавшего градус религиозной толерантности, М. Б. собиралась перейти в протестантство, чтобы они могли иметь возможность сочетаться церковным браком¹⁰⁷, но это натолкнулось на затруднения и было исполнено только в апреле 1914 года.

¹⁰⁴ Письмо от 19 мая 1905 г. // РГБ. Ф. 746. Карт. 19. Ед. хр. 25. Л. 34.

¹⁰⁵ Письмо Гершензона к брату от 10 августа 1905 г. // РГБ. Ф. 746. Карт. 19. Ед. хр. 26. Л. 15.

¹⁰⁶ Письмо М. Б. к семье от 22 июля 1906 г. // РГБ. Ф. 746. Карт. 47. Ед. хр. 11. Л. 30.

¹⁰⁷ См. в ее письме к Б. М. Гершензон (снохе) от 21 сентября 1905 г.: «По возвращении Миши мы думаем начать хлопоты, связанные с возможностью исполнить формальности, которыми мы до сих пор должны были пренебрегать. Т.е. я говорю о переходе моем в протестантство» (РГБ. Ф. 746. Карт. 67. Ед. хр. 5. Л. 5).

Еще в начале 1900-х годов у Орловой, давней их покровительницы, возник план купить для них собственный дом. Тяготясь своим богатством и искренне сочувствуя Гершензонам, она постоянно старалась сделать их объектами своей благотворительности, что ощутимо задевало болезненное самолюбие М. О. В поздних воспоминаниях, особенно вышедших из-под пера лиц, удаленных от этой истории, ее финансовое участие выглядит тотальным и постоянным: «Орлова была их доброй волшебницей, она давала Марии Борисовне крупные суммы. Поэтому семья жила в достатке. Могла держать гувернантку. Ездить в Финляндию и Крым»¹⁰⁸. Это не так: обширная сохранившаяся переписка демонстрирует многочисленные (и доходившие до высокого градуса) конфликты, возникающие на этой почве. В 1907 году, уговаривая Гершензона принять у нее небольшую сумму заимообразно, чтобы иметь возможность отдохнуть летом, Орлова пишет: «Михаил Осипович, вы говорите, что я — друг, — давайте же мне и действовать так, как другу. Вам необходимо поправить свое здоровье, а вы хотите делать обратное тому, что для этого нужно, говоря, что средств нет. Каково же нам, любящим вас, это слышать и видеть? Таких слов не должно быть, не может быть, когда у друзей средства есть. Теперь, я вам скажу, что, беря у меня, вы даже не у меня берете, а у Сережи: полгода назад я написала завещание и оставила денег Сереже (в ваше и Марусино распоряжение). Вы видите, что они по праву ваши, не умирать же мне в самом деле, чтобы вы согласились ими воспользоваться. А на Сережу там хватит. Посылаю вам одну из его бумаг»¹⁰⁹. Его настойчивые и, кажется, не вполне деликатные отказы привели ее в чрезвычайное огорчение: «Я заболела после нашего вчерашнего разговора, то, что вы делаете, действительно заслуживает слова „чудовищно“. <...> Несколько раз вы говорили мне, „как от брата“. Ваш брат бы получил наследство и прислал бы вам на поездку для лечения, и вы сказали бы „не могу“? — Уничтожили вы меня вчера, и больше ничего»¹¹⁰.

Столь же, кажется, решительно была отвергнута идея купить для них постоянное жилье, но Орлова с хитроумием истинной деликатности придумала превосходный выход: она предложила приобрести дом в качестве вложения денег — и сдавать им флигель по сходной цене.

¹⁰⁸ Дулова Е. Г. По старой Москве. Елизавета Николаевна Орлова. Московская быль // РГБ. Ф. 218. Карт. 1387. Ед. хр. 8. Л. 63–64.

¹⁰⁹ Недатированное письмо // РГБ. Ф. 746. Карт. 39. Ед. хр. 16. Л. 13.

¹¹⁰ Недатированное письмо // Там же. Л. 14.

С этим самолюбие М. О. готово было смириться. Еще в 1905 году Орлова описывала будущую негоцию следующим образом: «Я получаю в настоящее время с 7000 р. — 300 р. процентов. Следовательно, если дом можно купить за эту цену (включая купчую) или меньше, и если вы хотите взять его на год за эту цену или немного больше (повинности, маленький ремонт, дворник), то я с удовольствием, вернувшись в Москву, займусь этой покупкой: я думаю, что если он впоследствии не понадобится ни вам, ни мне, его нетрудно будет перепродать. Я не вижу, почему бы вам не начать таким образом свою „оседлость“»¹¹¹.

Тогда из этого плана ничего не вышло — возможно, не удалось подыскать подходящего дома или начатая тем временем подольская жизнь оказалась им слишком по душе. В следующие месяцы Орлова приценивалась к дому в Подольске, который они занимали, но вначале в нем выявились неожиданные дефекты, а потом, после произошедшей трагедии, оставаться там было немислимо. К этим намерениям Орлова вернулась лишь три года спустя, в 1908 году, когда ей подвернулся вариант в Никольском переулке: большой дом с фруктовым садом и флигелем. В середине лета она купила его за 90 000 рублей — с тем чтобы самой (с матерью и воспитанницами) поселиться в главном здании, а флигель сдать Гершензонам. Трудно сказать, какую часть в ее мотивах занимал расчет, а какую — благотворительность, но без сомнения, что благо гершензонской семьи (от которой она себя не отделяла) было важным мотивом для сделки. Более того, у них имелся дополнительный шуточный договор — если Орлова покупает дом, Гершензон соглашался принять у нее тысячу рублей на заграничное путешествие; впрочем, об этом вскоре было забыто. 6 июля 1908 года она прислала им торжествующую телеграмму: «Снимайте флигель первого сентября Никольский дом Орловой бывший Урусовой»¹¹²; восьмого вслед было отправлено письмо с разъяснениями: «Дом куплен — запродажная сделана и подписана у нотариуса (после чего я только и поверила, и телеграфировала вам). Спасибо за поздравления. Завтра иду смотреть с архитектором, как сделать лестницу в Вашем флигеле. Мне очень нравится все — и Ваш больше прежнего»¹¹³.

¹¹¹ Письмо Орловой к Гершензону от 22 февраля 1905 г. // РГБ. Ф. 746. Карт. 39. Ед. хр. 14. Л. 26 об.

¹¹² РГБ. Ф. 746. Карт. 39. Ед. хр. 17. Л. 6.

¹¹³ Там же. Л. 7.

14 июля Гершензон отправился в Москву, чтобы осмотреть их будущее жилище. М. Б., оставшаяся с детьми в Гунгербурге, писала в Одессу: «Дорогие мои, сегодня Миша уехал в Москву, чтобы решить квартирный вопрос. Он будет смотреть флигель Е. Н. и, если найдет его подходящим для нас, то ничего лучше нельзя было бы желать. Меня очень соблазняет дом Орловой, потому что там громадный двор и хороший сад, в квартире есть ванна и для Миши будет совсем изолированный кабинет»¹¹⁴. Осмотром он оказался вполне доволен: «Флигель стар, но уютен, сейчас неудобен по расположению комнат, но когда будут сделаны переделки (две стены сломать, одну возвести, т. е. простенки), будет удобно. Внизу 4 комнаты, наверху (мезонин) 2; я буду наверху — это кабинет и библиотека, там же будет устроена ванна. Большой заросший травой двор и небольшой сад, фруктовый; это в городе громадный выигрыш для детей на осень и весну. Платить буду 60 руб., а печей будет, кроме кухни, не то 3, не то 4»¹¹⁵.

В августе они переезжают в Москву, но на первое время поселяются в основном здании, пока во флигеле идет ремонт: там перестилают полы и делают ванну. В одном из отчетов брату Гершензон, перечислив тяготы ремонта, добавляет: «делается это крайне медленно; рабочие лодырничают, а подрядчик, платящий им поденно, относится к этому с философской кротостью; видно, такова норма, он за много лет привык. Я каждый день, глядя на него, вспоминаю рассказ Чехова о быках, которых мясоторговец везет по железной дороге из Ростова-на-Дону в Москву»¹¹⁶. Ремонт закончился к октябрю. На первом этаже был длинный коридор, из которого открывались двери в четыре большие комнаты: спальню, детскую, гостиную и столовую; столовая была объединена с кухней. Внизу же была ванна, причем с душем — редкость и новинка для 1900-х годов. Еще из одной небольшой комнаты шла лестница наверх в мезонин, где располагались библиотека и кабинет главы семьи. К дому прилагался двор с садом — настолько большой, что пару месяцев спустя Орлова

¹¹⁴ Письмо М. Б. Гершензон к родным мужа от 14 июля 1908 г. // РГБ. Ф. 746. Карт. 20. Ед. хр. 9. Л. 11 (хранится среди писем Гершензона).

¹¹⁵ Письмо Гершензона к брату от 20 июля 1908 г. // Там же. Л. 12.

¹¹⁶ Письмо от 29 августа 1908 г. // Там же. Л. 23. Имеется в виду рассказ Чехова «Холодная кровь». Ростов в тексте не упоминается; реальным поводом к рассказу (о чем вряд ли было известно Гершензону) послужила история таганрогского негодянта.

выписала из одного из своих имений голландскую корову, которая с тех пор обеспечивала их свежим молоком.

Четыре года спустя, в 1912 году, в том же дворе было начато строительство большого трехэтажного кирпичного дома по проекту модного московского архитектора Иванова-Шица. Дом был закончен к осени; Гершензонам принадлежала в нем просторная квартира в два этажа с отдельным входом. Их дочь оставила подробнейшее ее описание:

«Наша детская жизнь протекала в четырех нижних комнатах — детской, спальней родителей, маленькой комнате и столовой. Это был наш мир со своими интересами, условностями, сложившимися обычаями, со своей символикой форм и очертаний предметов, узоров на обоях, домов городского пейзажа за окнами, обладавших особыми физиономиями и выражениями. В детской стояли наши две кровати: Сережина взрослого размера, покрытая зеленым тканевым одеялом, и моя, маленькая, покрытая вязаным белым одеяльцем работы бабушки. Между окон стоял большой широкий стол с доской-полкой внизу. Над ним спускалась вниз на шарнирах лампа с зеленым фарфоровым абажуром. <...> В спальней и маленькой комнате тоже находились некоторые наши вещи. Спальня — северная комната, с большим полукруглым окном — была очень уютной, любимой маминной комнатой. У стены, примыкавшей к детской, рядом, одна возле другой, стояли простые красно-коричневые металлические с блестящими шишечками кровати родителей. Между ними — маленькая желтая тумбочка, над которой со стены спускалась лампочка со стеклянным колпаком. У окна стоял большой круглый стол красного дерева. С другой стороны — у стены — мраморный умывальник и рядом с ним большой, массивный комод. Одно место около стены в переднюю занято было нашим имуществом. Долгое время там стоял наш верстак, позднее — шкаф со львами на дверцах, где наверху находились детские книги, а внизу в вечном беспорядке лежали игрушки.

Кровати были покрыты синими покрывалами с замысловатыми узорами в виде желтых с каким-то рисунком поперечных полос, которые возбуждали фантазию и которые я очень любила рассматривать. На окнах и в спальней висели плотные голубовато-серые шторы, как и в детской, на ночь совершенно закрывавшие свет.

Маленькая комната отчасти была задумана как мамин кабинет. В углу у окна стоял ее маленький письменный столик с тремя

ящичками и лампочкой с бисерными желтыми висюльками на колпачке. За этим столом мама, впрочем, никогда почти не сидела, а если урывала время для писания, то садилась к своему любимому круглому столу в спальнoй. <...>

В столовой наших вещей не было. Это была красивая, нарядная комната с тремя окнами в ряд и дверью на балкон. На окнах висели кремовые кружевные занавески. Посреди столовой стоял большой стол, накрытый желтой клеенкой поверх толстого малинового сукна. Скатертью он покрывался только во время еды.

У окна стоял буфет, между окнами — кругленький столик с клеткой щегла, прожившего у нас больше шести лет. <...>

В кухне мы редко бывали. Там находилась большая плита, которую топили два раза в день. И ванна топилась из кухни. К кухне примыкали две маленькие комнатки для прислуги»¹¹⁷.

В этом доме Гершензоны прожили всю жизнь, отягощенную в советское время чередой вселений и уплотнений. В 1930-е годы он был надстроен и фактически превращен в коммунальную квартиру. В конце 1970-х или начале 80-х годов дом был снесен ради строительства гостиницы¹¹⁸. Сейчас на его месте небольшой сквер с молодыми деревьями, среди которого возвышается кирпичная девятиэтажная башня.

Обыкновенная жизнь семьи Гершензонов, насколько мы можем судить, мало чем отличалась от принятой в их кругу. Взгляды М. О. на семейные роли, показавшиеся бы в наши дни консервативными до архаичности, были по тем временам близки к обыденным. Еще в 1899 году его свояченица (бывшая стихийным, но крепким энтузиастом равноправия) жаловалась мужу: «<...> Миша все время ведет разговор, к<ото>рый меня постоянно сильно волнует и раздражает против него: о счастливой доле женщины в ее беззаботной судьбе, predeterminedной ей. Сколько раз я просила его не говорить при мне на эту тему — все напрасно! Пойми ты меня, мой родной, какво мне это слушать именно теперь, когда зубы у меня стискиваются под влиянием тошноты, а к горлу подступают слезы от нераздельного с тошнотой отчаяния о причине ее. Ушла бы на край света, чтобы не видеть и не слышать и не чувствовать самое себя, так не мила мне жизнь, а он говорит такие абсурды, с такой грубой уверенностью. Ведь

¹¹⁷ Гершензон-Чегодаева. С. 35, 40.

¹¹⁸ См.: Чегодаева М. Дом не от той страны // Наше наследие. 1995. № 35–36. С. 164–175.

он не знает жизни, как ребенок, и говорит, как несмышленное дитя. Ну, довольно об этом»¹¹⁹.

Сама Мария Борисовна несколько раз, кстати помяная текущие политические события, предлагала провести внутрисемейные реформы: «Если бы ты отменил деспотический образ правления (т. е. у нас в доме) и ввел демократическую республику, основанную на взаимном доверии, то и подчиненные тебе оказались бы гораздо более деятельными и самостоятельными, чем ты о них думаешь». Несмотря на внешнее и даже охотное согласие («Насчет реформы домашнего правления я бы и сам очень хотел, давай попробуем»), весь домашний обиход оставался в прежних грубо-патриархальных рамках. В 1915 году, готовя для мобилизованного деверя классические сухари и по недосмотру их пересушив, М. Б. писала с нехарактерным для нее раздражением:

«Очень мне это досадно и ради тебя, и ради себя, потому что еще раз с вашей гершензоновской точки зрения на женщину я опять оказываюсь негодною. А ведь у вас на женщин взгляд возмутительный. Впрочем, взгляд — это неверное слово, думаете вы иначе, но бессознательно такое отношение. Я думаю — это национальный атавизм и, надо сказать, очень тяжкий. Недавно я убедилась еще больше в верности моего предположения. У меня была Дувинская, тебе верно Миша рассказывал, я после нее три дня не могла опомниться. Она как будто ненормальная, говорила, говорила без конца и многое во мне затронула. Теперь она ушла от мужа, когда уже дети все большие и жизнь не только не успела наладиться, но и прошла. Очень старалась она на своем ломаном языке объяснить мне свою психологию, и, наконец, я ясно поняла: не могла всю жизнь примириться и противилась против места, на которое ее ставил муж, хотела себя самое выгородить, определить, душу свою сохранить. И это она, типичная превосходная еврейская хозяйка; если такие души, как Дувинская, не выдерживают, то как же можно втискивать в такие же рамки людей, не преданных миру. С вашей точки зрения, к несчастью, мы неисправимы. Я искренно говорю, к несчастью, потому что знаю, как могло бы быть в доме гладко и удобно, если бы я была иная. Но что делать, при всем старании не могу, и сухари сожгла. И верно, если бы не ломала себя и не старалась, то, может быть, какой-нибудь другой толк вышел бы. Прости за эти

¹¹⁹ Недатированное письмо Б. М. Гершензон к А. О. Гершензону // РГБ. Ф. 746. Карт. 31. Ед. хр. 21. Л. 1–2.

ненужные рассуждения. Но мне всегда кажется, что ты меня очень тяжело осуждаешь; но и знаешь ты меня мало. А мне иногда бывает очень грустно, что ты не так думаешь обо мне»¹²⁰.

Впрочем, большая часть тонкостей и обертонов этого долгого и — при всех оговорках — счастливого диалога лучше всего видна из печатаемых писем. Последнее из них написано 13 октября 1924 года — за четыре месяца до скоропостижной смерти Гершензона. Еще четырьмя неделями позже М. Б. писала Андрею Белому: «Милый Борис Николаевич. Сегодня месяц, как живой, мягкий, теплый, черноглазый, со жгучим взглядом и страстной речью, М. О. был среди нас кем-то схвачен, замучен, задушен, превращен в труп, теперь спрятанный в земле, где кончается страшный процесс разложения. В душе ужас и пустота, а мое живое тело судорожно тянется куда-то, руки ловят, цепляются, хочется безумно удержать что-то. Не могу согласиться, что остались мне одни воспоминания, и мучит мысль: они тоже сотрутся. Осталась комната, битком набитая бумагами и бумажками, написанными мелким четким почерком, несколько портретов. Это все от физического М. О. Но ведь он был такой, что не было в нем дуализма, все было из одного цельного куска, души и тела не было, был он один весь, целый. Как же он умер! Я этого не в силах принять»¹²¹.

Последующие ее годы превратились в непрерывную службу памяти покойного мужа: она сберегала и систематизировала его архив, участвовала в публикации его незаконченных трудов, помогала составителю его библиографии и публикатору его писем¹²². Продажа части его коллекции в Литературный музей смогла поддержать семью материально¹²³. Друзья покойного М. О. выхлопотали ей от государства

¹²⁰ Письмо М. Б. Гершензон к А. О. Гершензону от 21 мая 1915 г. // РГБ. Ф. 746. Карт. 47. Ед. хр. 3. Л. 44–45.

¹²¹ Письмо от 19 марта 1925 г. // РГБ. Ф. 746. Карт. 47. Ед. хр. 2. Л. 1 (черновик). Белый — один из немногих мемуаристов, которым запомнилась «уютная, милая, умная Марья Борисовна» (Белый А. Между двух революций. М., 1990. С. 254–255).

¹²² Подразумеваются издания: Архив Огаревых. Собрал и приготовил к печати М. Гершензон. М.–Л., 1930; Берман Я. З. М. О. Гершензон. Библиография. <Одесса>, 1928 (Труды Пушкинского Дома Академии наук. Выпуск LII); Гершензон М. О. Письма к брату. Избранные места. Вступ. статья и прим. М. А. Цявловского. М., 1927. Участие М. Б. во всех этих работах хорошо документировано.

¹²³ См. резюме архивиста: «основная часть коллекции Гершензона была продана М. Б. Гершензон в 1930-х гг. в Литературный музей и впоследствии, поступив в ЦГАЛИ СССР, разошлась теперь по разным фондам этого архива» (Житомирская С. В. Заключение на документы архива Гершензона // ГАРФ. Ф. 10239.

небольшую пенсию¹²⁴. Мемуаров она так и не написала. Умерла Мария Борисовна в 1940 году.

Сын Гершензонов Сергей Михайлович (1906–1998) стал выдающимся генетиком и вирусологом, автором нескольких фундаментальных открытий. С 1937 года он заведовал кафедрой генетики Киевского университета, позже — отделом в Институте молекулярной биологии в Киеве. Был академиком АН Украины¹²⁵. Отношений с остальными членами семьи он не поддерживал. Уже на склоне лет он написал несколько небольших, но емких мемуарных фрагментов о своем отце¹²⁶. Напротив, обширные воспоминания Натальи Михайловны Гершензон-Чегодаевой (1907–1977) принадлежат к числу высших образцов русской воспоминательной прозы — по широте охвата, точности деталей и изяществу изложения. Она была историком искусства, автором нескольких монографий по западной живописи. Ее дочь Мария Андреевна Чегодаева (1931–2016), искусствовед и художественный критик, много сделала для сохранения памяти о семье Гершензонов.

Брат Гершензона Абрам Осипович (Бума) продолжал возглавлять созданную им педиатрическую консультацию «Капля молока» и после 1917 года. Он был учредителем Одесского общества детских врачей и состоял в звании товарища председателя общества до самой смерти, случившейся 24 февраля 1933 года.¹²⁷ Старший его сын

Оп. 1. Ед. хр. 35. Л. 10). Предварительное впечатление о масштабах материалов можно составить по переписке М. Б. с В. Д. Бонч-Бруевичем: РГБ. Ф. 746. Карт. 47. Ед. хр. 20; РГБ. Ф. 369. Карт. 257. Ед. хр. 38.

¹²⁴ См. материалы пенсионного дела с ходатайством Наркомпроса (подписанным, среди прочего, Луначарским). Там же зафиксированы попытки увеличить назначенную пенсию и отрицательная резолюция Наркомата социального обеспечения: «Наркомсобес, не усматривая особо выдающихся заслуг в деятельности Гершензона, с своей стороны считает, что размер пенсии его семье увеличению не подлежит» (ГАРФ. Ф. 259. Оп. 9Б. Ед. хр. 689. Л. 1–4).

¹²⁵ О биографии С. М. Гершензона см. прежде всего: К 60-летию со дня рождения и 40-летию научной деятельности С. М. Гершензона // Вопросы вирусологии. 1966. № 1. С. 118; Иванов В. И. «Умница и прекрасной души человек!» (К 90-летию Сергея Михайловича Гершензона) // Человек. 1996. № 1. С. 20–22; Голубовский М. К 90-летию С. М. Гершензона // Генетика. 1996. Т. 32. № 1. С. 154–156; Травин А. А. Тень отца // Химия и жизнь. XXI век. 1998. № 12. С. 52–53; Тимофеев-Ресовский Н. В. Воспоминания. Истории, рассказанные им самим, с письмами, фотографиями и документами. М., 2000. С. 112, 414.

¹²⁶ С. М. Гершензон: «Я расскажу о том, чего никто не знает...» Вступительная заметка и публикация Я. Кумока // ВЛ. 2007. Сентябрь — октябрь. С. 305–320.

¹²⁷ См. о нем: Антонов А. Памяти Абрама Осиповича Гершензона // Вопросы педиатрии, педологии и охраны материнства и детства. 1934. Т. VI. Вып. 1. С. 75–76.

Саша умер от брюшного тифа в 1917 году; через несколько дней после него, не в силах оправиться от удара, умерла Гитля Яковлевна. Младший — Михаил Абрамович (1900–1942) — стал крупным детским писателем¹²⁸. Отучившись в одесской гимназии, он переехал в Москву, где окончил Литературно-художественный институт им. Брюсова. Работал в ГИЗе и Детиздате. Его писательский репертуар простирался от занимательных задач по физике до предисловий к переводам Конан-Дойля. В 1941 году ушел в ополчение; погиб недалеко от Ржева. Про старшую дочь, Елену Абрамовну, мы почти ничего не знаем: она училась в педагогическом институте Одессы и была специалистом по дошкольному обучению. По всей вероятности, ей принадлежит вышедшая в 1935 году в Ленинграде книга «Игры дошкольников», подписанная двойной фамилией — Елена Абрамовна Гершензон-Морозова. Если верить этой идентификации, то, вероятно, стоит признать, что именно она — Елена Абрамовна Морозова 1903 года рождения, погибшая (по другим сведениям — эвакуированная из Ленинграда) в апреле 1942 года. Младшая дочь Надежда Абрамовна жила в Одессе, где вышла замуж за доктора К. М. Гродского. Брак этот запомнился многим свидетелям: «о докторе Гродском заговорили в узком кругу одесской интеллигенции, но по сугубо личному поводу: он женился на девушке, которая была моложе его лет на тридцать. Это была моя знакомая, окончившая несколько позже меня Иннархоз, дочь известного в Одессе детского врача — общественника Гершензона (брата известного литературоведа и публициста Михаила Осиповича Гершензона)»¹²⁹. В годы оккупации он, беспокоясь, что еврейское происхождение жены станет известно фашистам, разрушил памятник на могиле тестя, чтобы отвести от нее подозрение. В войну ей удалось уцелеть; дальнейшая ее судьба нам неизвестна.

Архив Гершензона, сохранявшийся в его семье, был при довольно драматических обстоятельствах продан в Отдел рукописей Российской государственной библиотеки¹³⁰. Заранее, очевидно в 1950-х или 1960-х годах, были сделаны машинописные копии центральных

¹²⁸ См. о нем: Советские детские писатели. Биобиблиографический словарь. 1917–1957. М., 1961. С. 95–96.

¹²⁹ Боровой С. Воспоминания. М. — Иерусалим, 1993. С. 242. Иннархоз — Институт народного хозяйства.

¹³⁰ См. исключительные по интересу и подробностям воспоминания: Житомирская С. В. Просто жизнь. М., 2006. С. 416–423.

входящих в него эпистолярных корпусов: в частности, переписки Гершензона с женой, писем его к брату, к родителям и к Орловой. Один из трех или четырех экземпляров этих масштабных копий был присоединен к фонду; другой ныне находится в частном собрании; судьба остальных неизвестна. Копии эти имели ограниченную циркуляцию в филологическом сообществе (в частности, по одной из них были сделаны выписки для тома «Литературного наследства», посвященного Блоку).

Материалы архива были сохранены почти безупречно, за единственным исключением: в процессе передачи между закупочной комиссией и современной описью необъяснимым образом были утрачены письма Ф. Сологуба¹³¹ (не исключено, конечно, что они просто до сих пор не описаны и не присоединены к доступной части фонда).

В основу настоящей книги положена копия переписки, ныне находящаяся в частном собрании. В процессе подготовки она была полностью сверена с оригиналами писем, хранящимися в фонде Гершензона (ф. 746) в ОР РГБ: Карт. 24. Ед. хр. 21–33 (письма Марии Борисовны) и Карт. 21. Ед. хр. 12–30 (письма Михаила Осиповича). В единице хранения № 20 из картона 24, вопреки титулатуре, хранятся не письма М. Б., а тифлисское послание неизвестной Мани 1894 года; в корпус оно не включено. Тотальная сверка, предпринятая нами, выявила ряд принципиальных расхождений: например, несколько записок, присутствующих в машинописи, отсутствуют среди оригиналов — и наоборот, несколько писем, сохранившихся в рукописи, в своде были опущены. Трудно не заметить и ряд ощутимых пропусков: дефекты чтения, ошибки в иноязычных словах и просто текстологические небрежности — что, конечно, не отменяет высокого значения труда, проделанного анонимным копиистом.

Прихотливость оборота писем внутри семейства Гершензонов (с которой мы в полной мере столкнулись при работе над многотомным сводом его посланий к родным, ныне готовящимся к публикации) вызвала ряд специфических текстологических и эвристических проблем. Так, письма зачастую снабжены приписками третьих лиц, имеют двух и более адресатов, сделаны на нестандартных носителях (от визитной карточки до газетных полей) и т. п. Благодаря последнему

¹³¹ Они упоминаются среди особенно ценных материалов архива в предварительном его описании для закупочной комиссии (ГАРФ. Ф. 10239. Оп. 1. Ед. хр. 35. Л. 8).

обстоятельству часть текстов несомненно утрачена — так, например, упомянутая в одном из писем «газета от четверга с крошечной припиской» явно была утилизирована, не добравшись до архивной папки.

В настоящую книгу включены все известные на сегодняшний день письма Марии Борисовны и Михаила Осиповича, адресованные друг другу. Таким образом, из корпуса исключены немногочисленные письма Гершензона к другим членам семьи Гольденвейзеров, письма Гершензона к детям и т. п. Приписки от имени детей приводятся (с соответствующей пометой) лишь в случае, если они сделаны рукой одного из родителей; в противном случае, в текстологическом примечании к письму лишь сообщается о факте их существования. В заголовках писем мы меняем фамилию М. Б. с «Гольденвейзер» на «Гершензон», начиная с 1905 года — приблизительно с того момента, когда она сама стала подписываться таким образом. Двадцать четыре письма из этого корпуса практически без комментариев были напечатаны М. А. Чегодаевой в 2013 году в журнале «Музыкант» (№ 5–6).

На разных этапах работы над книгой нам помогли Н. А. Богомолов, Д. И. Болдырева, С. Грейс, А. А. Григорьева, П. А. Дружинин, С. А. Захаркин, В. П. Матвеев, В. Э. Молодяков, В. Я. Мордерер, Г. В. Обатнин, И. Р. Петров, М. М. Павлова, А. П. Пополитов, Ю. А. Рыкунина, Л. И. Соколов, Н. Н. Соколова, М. Л. Спивак, Р. Д. Тименчик, Л. М. Турчинский, А. Б. Устинов, С. А. Чурилов. Всем им — огромная благодарность.